

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 131, август 2025

ИЗМЕНЕНИЯ И СИЛЫ В АТЛАНТИЧЕСКОМ УПАДКЕ

Из введения к сборнику "Chiesa multipolare nella crisi dell'ordine".

Социальные изменения и отношения власти, классовая борьба и борьба государств, обусловленная неравномерным экономическим и политическим развитием, находятся в центре любого размышления о революционной стратегии с момента её зарождения в "Манифесте Коммунистической партии" 1848 года. Такое понимание требует анализа правящего класса, его политических форм, его государства и системы государств.

Поэтому неудивительно, что именно социальная динамика и международная политика стали двумя ключевыми направлениями, через которые католическая церковь и Ватикан в последние десятилетия стремились осмыслить собственную роль. Это крупнейшая организация правящего класса, единственная имеющая мировые корни и одна из немногих, возможно, опять же единственная, чьи концепции опираются на долгосрочное историческое видение.

Кардинал Вальтер Каспер, один из лидеров наиболее активного соборного течения епископов и один из вдохновителей папства Хорхе Берголье, в ряде текстов описал процесс отхода католичества от западноцентричной модели укоренения и формирования условия для многополярной церкви. В своём обзоре 2013 года, приуроченном к пятидесятилетию II Ватиканского собора, Каспер утверждал, что целью собора было признание конца «константиновской эры», то есть «симбиоза Церкви и государства», который со времён императора Константина в IV веке определял отношения с политической властью – в историческом контексте Римской империи, феодальной раздр-

бленности и последующей системы государств в Европе. В 2011 году в своей работе по *экклесиологии* – дисциплине, которую можно назвать их «партийной теорией», – Каспер помещает этот процесс в рамки «кризиса культуры и цивилизации в Европе». Эти тенденции были ухвачены Собором в 1960-е годы, но сегодня они резко ускоряются: «Долгая константиновская эпоха (IV–XVIII вв.) и её воздействие на буржуазную эпоху, вместе с народной церковью, поддерживаемой своим социальным окружением, закончились Первой, а затем окончательно – Второй мировой войной. Таким образом, закончилась и «христианская» эра Европы. Конец константиновской эпохи означает конец Corpus christianum¹ и времени, когда христианство представляло собой большинство в Европе, опиралось на светскую власть как на свою политическую основу и в значительной степени влияло на общественную жизнь».

По мнению Каспера, этот конец оказался «ужасающим», прошедшим через «две тоталитарные системы» и «две мировые войны, которые глубоко изменили мир и буквально перепахали Европу»; Освенцим и сталинский ГУЛАГ ужасающим образом показали «провал современных идеологии и утопий». Под сомнение было поставлено не только христианство, но и Просвещение, следствием чего стал *нигилизм*.

Подводя итоги спустя полвека после Собора, Каспер отмечает два ключевых изменения. В то время речь шла о «модерне», тогда как сегодня мы живём в эпоху «постмодерна» – этот неопределённый термин хорошо отражает утрату смысла и идеалов, – или же в эпоху «позднего модерна» – определении, в котором узнаются черты общества поздней империалистической зрелости, проанализированные нашей марксистской теорией.

Вторая трансформация заключается в том, что с 1960-х годов церковь стала «мировой»: в глобализованном мире «более двух третей католиков живут не в Европе, а в Южном полушарии»; вопросы «единства и множественности», то есть отношений между римским центром и местными церквями, ставятся по-новому.

С точки зрения Каспера – а это был 2011 год – в условиях кризиса в Европе и на Западе многие «потеряли мужество» и почувствовали себя «ошеломлёнными». Однако в этом вакууме, образовавшемся в обществе позднего модерна, церковь могла предложить себя как «источник, наделённый смыслом». Если хотите, это своего рода *порядок веры* – в то время как марксизм предлагает новым поколениям научный порядок. При этом Каспер не считает секуляризацию «неизбежной судьбой», которой остаётся только подчиниться – если только не впадать в «ностальгическую мечту» о величии, ко-

торого не вернуть, или в радикальные утопии «новой Церкви» третьего тысячелетия. Для реализации его «программы» не обязательно требуется «большинство», которого уже не получить, но достаточно «творческого меньшинства»: «На самом деле, время старомодной народной Церкви определённо прошло с окончанием Константиновской эры. При нынешнем положении дел христиане в Европе должны смириться – уже сейчас и тем более в будущем – с тем, что им придётся жить в положении диаспоры и меньшинства в культурно и религиозно плюралистическом обществе. Более того, они должны смириться с тем, что христианство больше не будет доминировать из Европы над всем миром, а станет в новом конкретном смысле всемирной Церковью».

Важно отметить, что стратегическую концепцию, ставшую определяющей для понтификата Берголье – идею «многополярной Церкви» с меньшим «евроцентризмом», – вероятно, разделял и Йозеф Ратцингер. Так, в «Последних беседах» 2016 года мы читаем: «Очевидно, что больше не считается само собой разумеющимся, что Европа является центром мировой Церкви: универсальность Церкви является подлинной, различные континенты имеют в ней равный вес. Европа сохраняет свою ответственность, свои особые задачи. Однако в Европе вера находится в таком упадке, что Старый континент может быть подлинной движущей силой всемирной Церкви лишь в ограниченной степени. В то же время мы видим, что именно новые элементы, например, африканцы, южноамериканцы или филиппинцы, придают ей новую динамику, освежают уставший Запад и наполняют его новой энергией».

По мнению Ратцингера, в Германии бюрократизация и политизация ограничили живую динамику, поэтому отрадно,

что другие влияния берут верх, и «Европу теперь предстоит евангелизировать извне».

Трудно сказать, насколько эта концептуальная схема будет полностью принята в программе Роберта Превоста, которая, являясь преемственностью в уравнивании – именно благодаря широкому консенсусу на конклаве, – по необходимости оказывается также компромиссом между различными линиями и различными тактическими акцентами. Она, конечно, не совпадает с национал-католическими ориентациями, доминирующими в Польше или Венгрии, или с западными предложениями некоторых американских и европейских течений. Сюда, вероятно, можно отнести и сторонников Камилло Руини, хотя его «культурный проект» в период председательства в СЕИ (Итальянской епископальной конференции) был сосредоточен на неизбежности «общественной роли» церкви и на необходимости для Запада, уверенного в своих корнях, иметь дело с новыми гигантами, таким как Китай и Индия, чуждыми христианской традиции. Осмысление последствий конца Константиновской эпохи и одновременное отставание христианских корней Европы – задача не из простых. Тем более что, по Касперу, путь к церкви как к «качественному и творческому меньшинству» лежит через болезненный «отказ» от старой организационной структуры: церкви, «построенные в годы "тучных коров", окажутся слишком большими» и будут закрыты; структуру приходов придётся изменить, а «заслуженные благотворительные и социальные учреждения должны быть преобразованы».

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, июнь 2025 г.

1 – Христианский мир.

Арриго Черветто
МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР
2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография, хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Содержание	
ИЗМЕНЕНИЯ И СИЛЫ В АТЛАНТИЧЕСКОМ УПАДКЕ	стр. 1
Ватикан в атлантическом упадке	стр. 2
Двенадцать дней против мифов о ядерном нераспространении	стр. 3
Монеты и ракеты в условиях кризиса порядка	стр. 4
<i>Подведение итогов тактического выбора</i>	
Референдум и классовая линия	стр. 5
Возможности для евро и юаня	стр. 6
Бомбы на Тегеран и Тель-Авив	стр. 7
<i>Европейские хроники</i>	
Европейское перевооружение в поисках денег и солдат	стр. 8
<i>Гиганты Азии</i>	
Китайское перевооружение охватывает Азию	стр. 9
Теоретические и политические сражения Арриго Черветто	стр. 10-11
Решение пяти процентов	стр. 12
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 12

Ватикан в атлантическом упадке

(начало на стр. 1)

Сделаем четыре замечания. Во-первых, выражение «конец константиновской эпохи» отсылает к окончанию более чем тысячелетнего цикла; оно имеет стратегический смысл как конец центральной роли Европы, но одновременно указывает на глубокие социальные сдвиги, поскольку речь идёт о прохождении через три способа производства – рабовладельческий, феодальный и капиталистический – которое привело к буржуазному девятнадцатому веку и двадцатому веку империализма. Только за последнее тысячелетие церковь прошла путь от феодального землевладельца, звоном колоколов задававшего ритм жизни всему социальному организму, путь от системы рекрутирования в крестьянском обществе, когда в семинарии шёл седьмой или восьмой сын, непригодный к физическому труду на земле, – к обществу *поздней империалистической зрелости*, где в семьях зачастую только один ребёнок, где преобладает *массовый индивидуализм* и «великая зевота» благополучия, утратившего ориентиры, – если воспользоваться выражением Каспера.

Во-вторых, с какими бы трудностями церковь ни столкнулась перед лицом этих вековых и даже тысячелетних перемен, нет другой организации господствующего класса, которая могла бы хотя бы отдалённо претендовать на звание «эксперта в человечестве» – по формуле папы Монтини. Её всемирная плюралистическая структура одновременно ставит её перед лицом всех тех разнообразных ступеней развития, с которыми она имела дело в XIX–XX веках в Европе: от разложения крестьянства до мегаполисов глобального Юга; от «Орега dei Congressi», католических обществ взаимопомощи и *белых кооперативов* – до «третьего пути» государственного капитализма и цикла империалистического либерализма, а сегодня – до страхов и обид *поздней империалистической зрелости*.

Умение действовать и содействовать на этих разных стадиях развития является частью того, что они могут предложить правящему классу в сфере политики. Социальная доктрина церкви, от «Regum Novarum» до «Centesimus Annus», служит этой двойной цели, адаптируясь к изменениям и предлагая себя в качестве силы, способной управлять этими изменениями. Предлагая себя в виде католической церкви множеству государств – с некоторыми из которых у неё есть даже органические отношения, закреплённые в соглашениях, – а также располагая собственным наднациональным центром в форме территориального государства Ватикан, церковь по своей природе является одновременно субъектом и объектом международной политики держав. В приложении мы воспроизводим главы из текста «Исторический вопрос итальянского единства», где прослеживается основополагающий момент роли папского государства в итальянском и европейском балансе сил с конца XV и в XVI веке. В XIX веке буржуазии и в XX веке империализма церковь и Ватикан перешли от отношений с системой государств европейского Запада – позднее расширенного за счёт Соединённых Штатов, – от *европейского концерта* с его колониальными ответвлениями – к *империалистической мировой войне* или даже *европейской гражданской войне*, с саморазрушением Старого континента, потом – к Ялтинскому разделу, где папство выступило оплотом атлантизма, затем – к всемирному и множественному укоренению, инициированному Вторым Ватиканским собором с его *католическим тьермондизмом*, и сегодня – к *церкви многополярности*.

Два измерения – социальные изменения и международная политика – переплетаются; интерпретируя эти изменения, церковь становится собеседницей мировых держав. Хотя это и сопровождалось в XIX–XX веках болезненной адаптацией к капиталистической современности и трансформациям эпохи империализма в Европе – а

затем, в середине XX века – с Вторым Ватиканским собором – переосмыслением этих процессов на глобальном уровне, можно сказать, что именно в этом заключается их концепция стратегии как *движения классов и государств*.

Сегодня эта концепция сталкивается с *кризисом порядка*: утверждение многополярности с ростом влияния новых держав, прежде всего Китая, сопровождается *атлантическим упадком* и утратой США их прежней роли опоры старого порядка. Концепция *многополярной церкви*, утвердившаяся при Берголье, должна быть *уравновешена* с учётом того, что усиление Китая и глобального Юга сопряжено с кризисом американского центра. Противостояние этому кризису очерчивает перспективу Льва XIV – папы многополярности с одной стороны и «Августина», американского папы – с другой. В Ватикане могут считать, что на фоне всех рисков и неожиданностей упадка – как это видно на примере *войн по выбору*, вдохновлённых духом протестантского мессианства, – даже США необходимо свой «*полевой госпиталь*», о котором говорил Берголье. Церковь может помочь избежать катастрофических потрясений для Америки и для мирового порядка. Это находит соответствие в тех политических линиях, в которых Европе отводится роль сдерживания американских колебаний – от формулы *трансатлантической взаимности* до инициативы *европеизации НАТО*.

Третье наблюдение касается итога сорокалетних размышлений, собранных в этой книге. В Италии конец христианской демократии как общего представителя католиков был связан с особой динамикой в «кризисе взяточграда»¹, и был в меньшей степени результатом внутренних церковных разногласий, чем это казалось тогда. После рубежа 1989–1991 годов линия на *католическую ренационализацию* и *национальный европеизм* имела разное значение в зависимости от ситуации. В условиях напряжённости между налоговым бунтом на Севере и политическим нарушением равновесия в Риме показательным эпизодом стала «*Молитва за Италию*» Кароля Войтылы; она должна была противостоять сепаратистским угрозам Лиги, которые на какое-то время казались реальными. В Восточной Европе после распада СССР открылся совершенно новый политический цикл: казалось, что у Ватикана есть люди, способные воспроизвести западный опыт популярных христианско-демократических партий; в действительности же появившиеся *национально-католические* формулы оказались в гораздо более резком противоречии с *евро-ватиканской* стратегией Святого Престола.

Именно длительный понтификат Войтылы в период его расцвета показал, что ему удалось переломить тенденцию снижения числа священнических рукоположений в Европе и фактически преодолеть постсоборный кризис 1970-х годов. Это называли «*контртенденцией*» на фоне проблем с рекрутированием священников в секуляризованной современности Запада. Основываясь на этих результатах, в 2006 году мы отметили «*международное измерение*» линии Руини, поскольку показатели рекрутирования в Италии оказались «*вдвое эффективнее, чем в Испании, и в четыре раза эффективнее, чем во Франции*».

Мы уже обновляли эти оценки в 2013 году, когда отречение Ратцингера стало символом новой фазы глубокого организационного кризиса в церкви. Можно было подсчитать, что мобилизация в годы понтификата польского папы повысила уровень рекрутирования в Европе примерно на 20 %. За десятилетие эрозии и кризиса, отмеченное скандалами о сексуальных злоупотреблениях, которые нанесли удар именно по важнейшему аспекту молодежной активности, этот показатель откатился на 25 %. Сегодня отставание можно оценить в 50 %. По оценкам, в рамках Всемирных дней молодёжи – в

Епархиальные рукоположения по странам и географическим районам

	1969	%	1978	%	1998	%	2005	%	2013	%	2023	%
Конго Заир	24		22		173		141		206		190	
Нигерия	19		79		195		278		376		385	
Кения	55		51		79		171					
АФРИКА	176	3,4	288	7,5	1.071	16,4	1.205	18,5	1.608	24,6	1.805	32,1
Канада	117		62		46		49		35		27	
США	909		635		376		374		431		342	
СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА	1.026	19,9	697	18,2	422	6,5	423	6,5	466	7,1	369	6,6
Мексика	158		215		432		382		357		297	
Аргентина	26		45		129		99		101		58	
Бразилия	64		123		398		546		477		424	
Колумбия	67		64		227		224		219		126	
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	425	8,2	541	14,1	1.558	23,9	1.638	25,1	1.632	25,0	1.252	22,3
Юж. Корея	38		15		125		127		111		75	
Филиппины	95		133		204		205		151		181	
Индия	273		265		155		533		489		387	
Индонезия	7		12		83		65		99		84	
Вьетнам	70		-		81		147		164		287	
АЗИЯ	564	10,9	504	13,2	1.082	16,6	1.227	18,8	1.175	18,0	1.157	20,6
Франция	349		114		115		97		90		48	
Германия	360		164		170		120		98		34	
Великобритания	119		101		96		41		56		24	
Италия	740		431		485		443		376		279	
Польша	277		405		603		569		416		201	
Испания	463		169		242		203		124		81	
ЕВРОПА	2.877	55,8	1.744	45,6	2.363	36,2	1.979	30,4	1.587	24,3	995	17,7
ОКЕАНИЯ	88	1,7	50	1,3	36	0,6	46	0,7	73	1,1	43	0,8
ИТОГО	5.156	100	3.824	100	6.532	100	6.518	100	6.541	100	5.621	100

Источник: наш анализ на основе данных «Annuaire statistique Ecclesiae».

1997 году в Париже на Марсовом поле и в 2000 году в Риме на эспланаде Тор Вергат – церковь мобилизовала до 1 % молодёжи Европы. В пересчёте на годовые показатели, примерно один из десяти молодых участников становился священником; на соответствующую возрастную группу это давало уровень рукоположений епархиальных и религиозных священников порядка *одного на тысячу*; сегодня эта цифра сократилась вдвое – до *0,5 на тысячу*.

Андреа Риккарди в книге «Церковь пылает» пишет, что интерпретация понтификата Иоанна Павла II остаётся открытой: она колеблется между противоположными тезисами о «*временном отклонении*» и о «*незавершённой реформе*»; по мнению критиков, Войтыла со своей харизмой скорее «*покрывал кризис*», чем устранял его причины. Однако Риккарди отмечает, что для польского папы «*дух кризиса*» сам был *источником кризиса*; и именно в восстановлении уровня рекрутирования на *одну пятую* можно увидеть, насколько сильно субъективная роль мобилизации и *моральный фактор* могут повлиять на организационный результат.

Как бы то ни было, но статистика рекрутирования показывает, что в 1969 году более *трёх четвертей* рукоположений было совершено в Европе и Северной Америке. Сегодня церкви Запада обеспечивают лишь *около одной четверти*, тогда как треть приходится на Африку и по одной пятой – на Азию и Латинскую Америку. По прошествии двух поколений это, безусловно, результат Собора, и это будущее *многополярной церкви*, которую олицетворяет Берголье. Что касается аппарата в Европе и *творческого меньшинства* кардинала Каспера, то через два поколения число священников сократится с 155 тысяч до 60–70 тысяч. С учётом вклада женских орденов можно предположить, что численность католических функционеров составит около 150 тысяч. Несмотря на сокращение более чем вдвое, католическое *организованное меньшинство* не будет иметь себе равных.

Наконец, в-четвёртых, необходимо осмыслить тезис о *конец константиновской эпохи* в связи с двумя империалистическими мировыми войнами. Кардинал Каспер слишком легко возлагает ответственность за них только на идеологию XX века. Эти войны были продуктом динамики *единства и раскола* империализма, и именно идеологии и политические организации правящего класса стали его инструментом, включая

церковь. Если и был момент, когда *симбиоз церкви и государства* был выражен в наивысшей степени, то именно в империалистической *тотальной войне*: мы подсчитали, что в 1914–1918 годах католическая церковь предоставила 10 тысяч военных капелланов на оба фронта войны, в то время как по меньшей мере 80 тысяч священников были призваны в армию, что составляет 40 % от 200 тысяч священников, имевшихся в распоряжении католической церкви среди воюющих сторон. Сопоставимые цифры относятся и ко второй мировой войне.

Принципиальное значение имеет тот факт, что разделение ролей – при котором местные церкви сопровождают *раскол* империалистического конфликта, участвуя в мобилизации на войну, а римский центр воплощает *единство* и готовит к послевоенному примирению – не только не отрицается, но и предлагается в качестве сознательной стратегии господствующим классам. Как можно убедиться, листая *La Civiltà Cattolica*, именно исторический опыт 1914–1918 годов приводится в качестве гарантии для «*патриотической церкви*» в Китае; общение с Римом не будет препятствием для национальной мобилизации верующих в Китае.

Конечно, Ватикан попытается предотвратить появление *Американской патриотической церкви*, которую уже можно разглядеть за тем влиянием, которое Трамп оказывает на католицизм США. Но прежде всего он верит, что сможет каким-то образом *предотвратить раскол* между угасающим Западом и восходящей Азией. Но в конце концов американскому империализму будет предложена та же лояльность к нации, что и европейскому, где евро-ватиканская стратегия и поддержка укрепления Евросоюза остаются ключевыми опорами даже для *многополярной церкви*.

Эпоха, когда католическая церковь была *капелланом Запада*, возможно, подошла к концу, как предполагает тезис о *конец константиновской эпохи*. Но то, что предвосхищает войны XX века, так это органическая связь с *системой государств* империализма в целом, в его диалектике *единства и раскола*: капелланы всех и вся. Здесь кроется неустранимое различие с коммунистическим интернационализмом.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

1 – ит. Tangentopoli - кризис 1992–1993 гг. в итальянской политике в связи с антикоррупционными расследованиями скандалами.

Двенадцать дней против мифов о ядерном нераспространении

Новый пожар в Персидском заливе, *двенадцатидневная война* между Израилем и Ираном, до вмешательства США – с ударом супербомбой по ядерному объекту Фордо – выглядел как конфликт между государством, которому *позволили* иметь ядерное оружие, и государством, которое к этому стремится. Есть мнение, что это была очередная авантюра Биньямина Нетаньяху, который с 7 октября 2023 года ведёт войны на семи фронтах и участвует в нескончаемой войне в Газе. Но на деле это – стратегическое решение: Израиль на долгосрочной основе обязуется предотвратить распространение ядерного оружия на Среднем Востоке. Эта установка, известная как доктрина Бегина, поддерживается всеми политическими силами страны.

Войны – это часть *«пересмотра истории»*, которое касается в том числе политических теорий и стратегий; это также верно для норм и доктрин международного права, *«бумажных стен»* либеральной концепции, которые начали рушиться ещё в ходе первой войны в Персидском заливе в 1991 году.

ДНЯО, Договор о нераспространении ядерного оружия, был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН в 1968 году. Первоначально его подписали три признанные ядерные державы – США, СССР и Великобритания – а также 40 неядерных стран. На тот момент его главной целью было предотвратить появление бомбы у Германии. В 1992 году к договору присоединились Франция и Китай; в дальнейшем число подписантов выросло до 191 государства. Договор обязывает державы, которым *позволено* иметь ядерное оружие – то есть пятерым постоянным членам Совета Безопасности – не способствовать его распространению. Взамен неядерным странам гарантировалось право на развитие мирного атома под контролем Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Нельзя полностью отрицать роль международных договоров – равно как и значение воздержания от них или их денонсации. Однако в международных отношениях объективное соотношение сил между государствами явно перевешивает. Наряду с буквой договора существует, следовательно, реальный ДНЯО – выражение общего и регионального баланса сил между державами в их развитии, или, если хотите, выражение *данного порядка* унитарного империализма. Необходимо оценить степень влияния кризиса порядка на этот аспект международных отношений, который некоторые называют *«ядерным порядком»*, или, во всяком случае, на состояние *ядерной умеренности*, которое ограничивало распространение сил ядерного сдерживания на протяжении десятилетий.

Фактический режим ДНЯО строился на ряде неявных допущений. Ряд держав-членов Атлантического альянса получили ядерное оружие в своего рода *совместном пользовании* – благодаря расширенному сдерживанию со стороны США. Германия, Нидерланды, Бельгия, Италия и, с менее определённым статусом, Турция размещают на своей территории американское ядерное оружие. В случае Германии эта схема предполагает, что американские бомбы доставляются немецкими самолётами. По мнению одних, речь идёт о настоящем *«двойном ключе»*, который мог бы предоставить Германии ядерный статус в случае конфликта. По мнению других, это спорно, поскольку окончательное решение в любом случае остаётся за Вашингтоном. Япония

не имеет такого статуса в соответствии с доктриной *«трёх нет»*, которая до сих пор обязывала Токио не иметь, не производить и не ввозить атомное оружие на архипелаг, но США всегда отказывались уточнять, несут ли их корабли или подводные лодки, размещённые на японских базах, ядерные вооружения.

Второе следствие касается Германии и Японии – держав, потерпевших поражение во второй мировой войне, ставших ключевыми союзниками США в Атлантическом и Тихоокеанском регионах, но одновременно находившихся в положении ограниченного суверенитета. Витог немцы и японцы получили статус *ядерной латентности*, или *порогового состояния*, то есть обладание всеми производственными и техническими требованиями для создания бомбы и её ракетных пусковых установок, замороженными в состоянии нескольких месяцев или даже нескольких недель от их полноценной сборки. Этот статус стал результатом длительного процесса и политических столкновений в 1970-х годах, особенно в случае Японии. При президенте Джимми Картере были предприняты попытки отказать Токио в разрешении на переработку отходов атомных электростанций – источника плутония для боеголовок, – хотя внутри администрации существовало течение, выступавшее за то, чтобы сохранить за Японией этот пороговый потенциал в интересах стратегического альянса. Япония поднимала эту тему в течение многих лет, пока Рональд Рейган, достигнув политического взаимопонимания с Ясухиро Накасонэ, не дал окончательное согласие. С тех пор продолжают разговаривать о том, что *ядерная латентность* – это своего рода дополнительный протокол, который заполучил Токио в дополнение к японо-американскому договору о безопасности.

Третье следствие касается некоторых стран, которые инициировали собственные ядерные программы, начав с гражданской атомной энергетики или приобретения критических материалов, но были остановлены, – Бразилия, Аргентина и ЮАР. Претория, пользуясь тайной поддержкой Израиля, дошла до сборки четырёх рабочих взрывных устройств, но затем, по собственному заявлению, демонтировала их. По мнению Джозефа Ная – недавно скончавшегося теоретика *мягкой силы* – эта *ядерная умеренность* является фактическим результатом действия ДНЯО и активной политики администрации Картера по нераспространению, в которой сам Най играл далеко не второстепенную роль.

Наконец, за последние десятилетия некоторые малые и средние державы всё же сумели обзавестись ядерным оружием – это Израиль, Пакистан, Индия и Северная Корея. Випин Наранг, советник в администрации Байдена и один из авторов пересмотра американской ядерной доктрины в 2024 году, в своей книге *«Seeking the Bomb»* («В поисках бомбы») предпринимает излишне амбициозную попытку разложить различные траектории распространения в соответствии с концептуальной схемой, где есть державы-«спринтеры», действовавшие быстро, державы «с прикрытием», которые искали защищённого пути, и «скрытные» державы, вынужденные действовать тайно. Однако общий вывод выглядит убедительно: успеха в получении ядерного оружия достигали те страны, у которых был могущественный покровитель.

Израильские силы сдерживания, оцениваемые SIPRI в 90 боеголовок, стали

возможными благодаря немецким деньгам, французским технологиям и американскому стратегическому одобрению. Наранг, ссылаясь на недавно рассекреченные документы, подтверждает, что Генри Киссинджер предложил Ричарду Никсону прибегнуть к приёму *«притворной неосведомлённости»*, чтобы убедить, что США *«должны поспособствовать Израилю в получении ядерного оружия»*, если Тель-Авив обязуется не предавать огласке его наличие.

Пакистан, у которого сейчас 170 боеголовок, как мы увидим ниже, получил такое же согласие от США в контексте афганской войны 1979 года, а позже был поддержан Китаем. Индия, имеющая сейчас 180 боеголовок, обнародовала свои силы сдерживания, проведя испытание в 1998 году – после того, как ядерный потенциал Пакистана стал общеизвестным; после мягких санкций, введённых президентом Клинтоном, Нью-Дели получил фактическое одобрение Джорджа Буша – младшего. Северная Корея, обладающая 50 боеголовками, является лишь частичным исключением; предположительно, она получила ядерные технологии от России и воспользовалась *«благотворным невмешательством»* Китая благодаря своей роли *буферного государства*.

Другие державы, которые пытались осуществить ядерную военную программу, но не имели защиты со стороны других держав, были остановлены военным путём – либо США, либо Израилем. К ним относятся Ливия, Ирак, Сирия, а теперь ещё и Иран. Это и есть настоящий характер ДНЯО; очевидно, он отражает отношения между державами и меняющийся характер этих отношений.

До сих пор все вооружённые операции, направленные на срыв попыток распространения ядерного оружия, касались Среднего Востока. С точки зрения Израиля, это было применение доктрины Бегина. Но здесь также можно усмотреть применение доктрины Картера: сформулированная в начале 1980 года после вторжения России в Афганистан, она предусматривала, что США не допустят установления какого-либо гегемонистского контроля над Персидским заливом и Средним Востоком. Все последующие американские президенты придерживались этой доктрины, а войны 1991 и 2003 годов стали в конечном итоге её реализацией.

Однако документы, приведённые в книге *«Seeking the Bomb»*, показывают, что Картер и Збигнев Бжезинский дали добро генералу Зия-уль-Хаку, президенту Пакистана, на развитие ядерной программы – в духе той самой *«притворной неосведомлённости»*, о которой Генри Киссинджер ранее договорился с Голдой Меир. Это решение приветствовал и Дэн Сяопин. В течение многих лет обсуждалась угроза *«исламской бомбы»* – понимаемой как опасность распространения ядерного оружия среди государств, не достигших вестфальского уровня государственности и пронизанных апокалиптическими религиозными представлениями. Также отмечалось, что эта угроза вытекает из отношений между Пакистаном и Саудовской Аравией: саудовцы финансировали пакистанскую программу и, возможно, рассчитывали в обмен получить доступ к материалам для создания собственного сдерживания. Дело в том, что у истоков пакистанского распространения стояли контрмеры, подготовленные Бжезинским и поборником нераспространения Картером для противостояния брежневскому СССР в Афганистане: подлинным скры-

тым следствием доктрины Картера стала *суннитская исламская бомба*, предоставленная Исламабаду.

Сегодня, после *двенадцатидневной войны*, предметом обсуждения стала уже шиитская исламская бомба – и никто не знает, насколько эффективны меры по её сдерживанию. Парадоксально, но нападения на объекты в Фордо, Натанзе и Исфахане могут побудить к противоположным выводам. С одной стороны, кажется, что силовые правила *старого порядка* всё ещё работают. Ирану помешали получить ядерное оружие; ни Россия, ни Китай не захотели быть его защитниками.

Широко распространён тезис о том, что Нетаньяху втянул Дональда Трампа в свою военную логику: *хвост крутит собакой*, по американскому сленговому выражению. Израиль якобы также сорвал попытку самого Трампа решить вопрос переговорами, обвинив того в намерении воскресить СВПД – соглашение, которое устанавливало контролируемый режим обогащения урана в Иране под международным надзором. При этом, однако, забывают, что самую последовательную оппозицию СВПД высказывал Генри Киссинджер, утверждавший, что договор превратил *«предотвращение распространения»* в *«управление распространением»*. Старейшина американской реалистической школы доходил до того, что считал превентивную войну со стороны Израиля почти неизбежной. В этом смысле Трамп, нанёсший решающий удар по иранской ядерной программе, может с полным правом исполнителем политического завещания Киссинджера.

С другой стороны, можно утверждать, что *кризис порядка* подрывает остатки как реального ДНЯО, так и всей политики *нераспространения*. На региональном уровне звучат опасения, что Тегеран, насколько бы его не удалось задержать, окажется вынужден переступить порог ядерного сдерживания, и тогда Саудовская Аравия, Турция и Египет сделают то же самое. Таким образом, в самом нестабильном регионе мира могут появиться пять ядерных держав.

На глобальном уровне агрессивная и демонстративная односторонность США подрывает систему альянсов. Токио видит, что его пороговый ядерный статус оказывается под угрозой, и раздражается из-за давления со стороны Вашингтона с требованием дальнейшего увеличения военных расходов. Так, он отказался от участия в саммите НАТО, как и Сеул.

В Европе решение о перевооружении на уровне 5 % ВВП – в контексте НАТО, переносящего вес на *европейскую опору* – шаг стратегически важный, но одновременно путь всё более узкий и труднопроходимый из-за непредсказуемых и театральных проявлений американской односторонности. Особенно учитывая, что Трамп продолжает высказывать сомнения в отношении пятой статьи Североатлантического договора – той самой, что обязывает к взаимной обороне.

Что касается самих Штатов, то *двенадцатидневная война*, безусловно, продемонстрировала в деле их военных аппарат, которому до сих пор нет равных, – но наряду с этим существует внутренний политический раскол и неустойчивость из-за дефицита и государственного долга. Это сочетание силы и слабости в державе, которая больше не хочет или уже не может быть гарантом глобального порядка, порождает множество неопределённостей.

Монеты и ракеты в условиях кризиса порядка

Маркс в 1850 году и Ленин в 1905-м. Марксистская школа располагает инструментами для исследования накапливающегося напряжения в условиях кризиса мирового порядка – не впадая при этом ни в долгое выжидательство перед грядущим мифическим разрывом истории, ни в бесвязный максимализм, который каждое сотрясение объявляет решающим. Маркс и Энгельс в 1850 году связали экономический кризис, политические потрясения и «большие события на континенте»¹ в предсказании рабочей революции в Англии. Это предсказание, отмечает Арриго Черветто в книге «Трудный вопрос времени», на сбылось из-за того, что Крымская война и экономический кризис 1857 года не совпали по времени. Но это понятие станет частью генетического наследия стратегии: «Концепция кризиса в понимании Маркса и Энгельса содержит в себе как экономический, так и политический цикл (в частности, военный)»². В 1905 году Ленин подошёл к буржуазной революции в России с гипотезой «двух путей» – вариантов ускоренного или замедленного темпа – и с политическими сценариями, взятыми из европейского опыта: прусским путём революции сверху и ускоренным вариантом французской хорошенькой передраги³. Столкнувшись с политическим, социальным и военным кризисом в России, Ленин формулирует две гипотезы, которые представляют собой не произвольное чередование противоположных прогнозов, а более или менее противоречивое выражение фундаментальных тенденций развития, выявленных научным анализом.

Именно с таким аналитическим инструментом мы подходим к вопросу о времени наступления кризиса порядка, прослеживая два возможных направления развития «цепи частичных конфликтов», предвещающих либо цикл «переворота и колоссального, беспрецедентного напряжения», либо «катастрофический разрыв» в результате вспышки войны между великими державами. Войны на Украине и в Газе, сточасовая война между Индией и Пакистаном и открытие нового фронта между Ираном и Израилем – первые звенья этой цепи. К ним на экономическом поле добавляется война тарифов Дональда Трампа: пока это частичная экономическая война, ограниченная торговыми полями и рамками американской мощи, с отдельными вторжениями в финансовый сектор и сферу стратегически важных сырьевых ресурсов.

Разумеется, даже замедление темпов кризиса – когда цепь частичных конфликтов отсрочивает общий пожар – всё равно представляет собой ускорение по отношению к предыдущим стратегическим рамкам: история снова начала бежать – в новой стратегической фазе 2000-х годов, с эпохальным переходом Китая к империализму. Растущая напряжённость, сближение основных империалистических сил в гонке перевооружения и возвращение ядерного вопроса являются наиболее очевидным тому подтверждением. Наконец, развитие экономического и военно-политического циклов должно рассматриваться во взаимосвязи. В обозримом будущем экономическая война и обычная война будут двумя «рогами», за которые следует ухватиться при анализе. Тесная связь между этими двумя формами противостояния подтверждается как практикой, так и работами в верхах буржуазии.

Так, в своей речи в берлинской школе управления Hertie, Кристин Лагард называет основой глобального статуса евро такие «столпы», как глубина рынка капитала, эффективность политической централизации и авторитет европейской военной силы. По мнению президента ЕЦБ, порождённая самими Штатами неуверенность в доминирующей роли доллара создаёт предпосылки для «глобального момента евро»; это возможность, которую Европа не должна упустить, но влияние не достанет-

ся ей автоматически: она «должна будет его заслужить». Лагард излагает программу европейской политики, а также курс действий в отношениях между державами. С точки зрения нашего анализа, мы в буквальном смысле находимся на территории «монетарного оружия» – в двойном значении, введённом Черветто в 1967 году по случаю девальвации фунта стерлингов.

С одной стороны, пишет Черветто, монетарное оружие сочетается с военным оружием в борьбе за раздел мирового рынка, и «как различные капиталистические группировки сталкиваются своими военно-экономическими потенциалами, так они сражаются и на финансовом поле – при помощи монетарного оружия, столь же технически сложного, как и военное». Речь идёт об экономических и внеэкономических формах борьбы в анализе ленинского «Империализма». Монетарная война «это прелюдия и продолжение обычной войны, с которой она теснейшим образом связана, потому что они преследуют одни и те же цели».

В более широком смысле, монетарные отношения – как и военные – также являются выражением соотношения сил между государствами. «Монетарный аспект является одним из фундаментальных аспектов капитализма, но прежде всего, это тот аспект, посредством которого мы можем видеть обобщёнными в количественном выражении все те многогранные отношения между различными экономиками и, в конечном счёте, между различными государствами»⁴. Поскольку монетарные отношения обобщают многочисленные социальные и политические отношения, они опираются и на военную мощь государств, и именно эта связь между монетарной мощью и военным перевооружением является наиболее значимым элементом вызова, который стоит перед ЕЦБ.

Лагард приводит три оценки, очерчивающие поле боя. В двух исторических прецедентах, напоминающих текущую ситуацию, доминирование доллара подвергалось сомнению в результате односторонних шагов самой американской метрополии: в 1930-х годах его доля в мировых резервах потеряла около 40 процентных пунктов, снизившись с более чем 60 до примерно 20 %; в 1970-х годах, после никсоновского шока, она потеряла около 20 процентных пунктов, с 70 до 50 %. Ни в том, ни в другом случае не было альтернативной валюты, способной заменить «гринбек»: между двумя войнами Лондон уже находился в упадке, а в 1970-х годах марка и иена «поддерживались слишком маленькими рынками»; образовавшаяся брешь временно заполнила золото. Сегодня, однако, с появлением евро существует вторая глобальная валюта.

Третье замечание касается связи между монетарной и военной мощью державы и долей в мировых резервах, которую эта «двойная сила» может обеспечить: до 30 процентных пунктов согласно исследованию Барри Эйхенгрин, которое мы в своё время освещали в нашей газете («Доллар: между Марсом и Меркурием», март 2018). Сегодня доля евро как расчётной валюты в мировом экспорте уже равна доле доллара (40 %), но его вес как резервной валюты составляет лишь треть от доллара (20 % против 58 %). «Существует предел», за которым валюта не может расти только за счёт торговли, но нуждается в «геополитических гарантиях», то есть в военной безопасности. Поэтому «предварительным условием» для того, чтобы посягнуть на эти 20, 30, 40 глобальных процентных пунктов является «реконструкция европейской жёсткой силы», с перевооружением «на национальном уровне и на уровне ЕС».

Мы наблюдаем чёткую линию на укреплении европейской мощи на ряде взаимосвязанных фронтов: финансовых, политических и военных. Ликвидность европейского рынка капитала зависит от предложения

«надёжных активов», которые конкурируют с казначейскими облигациями США за глобальные финансовые потоки; но это, в свою очередь, требует, чтобы «укрепление европейской обороны [было] совместно профинансировано», то есть чтобы выпуск европейских долговых обязательств для перевооружения расширил валютную базу евро. Наконец, стабильность институтов, независимость монетарной власти и политическая надёжность ЕС также являются активами в монетарном противостоянии с трамповскими США; но время требует большей сплочённости и скорости принятия решений во внешней и оборонной политике.

В построениях Лагард нет прямого упоминания о ядерном измерении текущего перевооружения Европы, которое вносит свой вклад в монетарные отношения между великими державами. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* подтверждает, что Франция и Германия конфиденциально обсуждают вопросы совместного использования ядерного оружия. Джеральд Браунбергер, один из редакторов, напоминает об оценке Эйхенгрин, согласно которой доля доллара в резервах держав с атомным оружием на 35 % ниже, чем у держав, зависящих от американского зонтика. Наконец, *Handelsblatt* публикует правительственный документ, согласно которому Париж и Берлин рассматривают возможность использования «монетарных рычагов и инструментов сбережения» в атлантической торговой войне, то есть репрессий в отношении долговых бумаг США. Ядерное и валютное сдерживание переплетаются в немецких дебатах, которые в целом менее приучены, чем французские, к преждевременным и растянутым на десятилетия некрологам доллара.

В том же духе выступают Йозеф Брамль и Мэтью Берроуз в их новой книге «Грядущий мир»: «общий долг [для европейской обороны] подрывает роль доллара, уже подточную зарождающимся долговым кризисом в США. «Сильный евро», в свою очередь, обеспечит ЕС «независимую внешнюю политику и политику безопасности».

Брамль, ранее представлявший немецкие аналитические центры SWP (Фонд науки и политики) и DGAP (Немецкое общество внешней политики), в своей предыдущей работе выступал за интеграцию европейской обороны вокруг франко-германского ядра, включая силы ядерного сдерживания; вместе с американцем Берроузом, бывшим сотрудником Госдепартамента и ЦРУ, он выступал за стратегическое использование евро в европейском перевооружении. Поразительно, что эти тезисы сопровождаются предложением умиротворяющего многополярного «концрта». Сегодня война между великими державами была бы разрушительной и поглотила бы огромные ресурсы уже в первые «тридцать часов»; единственной альтернативой было бы признание Китая и постепенное возвращение России в лоно Запада, в то время как центральные банки «большой тройки» – США, ЕС и Китая – управляли бы экономикой. Однако это кажется невозможным, поскольку США «не готовы к уступкам и компромиссам, необходимым для построения нового порядка, основанного на балансе сил». Таким образом, путь к перевооружению становится обязательным для каждой империалистической державы.

Уолтер Рассел Мид в своём комментарии к азиатскому форуму Шангри-Ла ухватывает «чайтайст», дух времени кризиса порядка: «Новая эра войны между великими державами не является неизбежной, но её становится всё труднее избежать. Всем демократическим обществам в конечном итоге придётся считаться с этим нежелательным глобальным переходом от послевоенной к довоенной эпохе».

Три события знаменуют собой противостояние. Об одном из них – столкновении в Кашмире – мы уже писали на страницах этой газеты. По мнению Чжоу Бо, упол-

номоченного представителя китайских военных, это был «момент DeepSeek», раскрывший китайские возможности, оказавшиеся в распоряжении Исламабада: «беспрецедентная реклама», которая будет определять глобальный рынок оружия. И это ещё не всё: конфликт был «сдержан» ядерным статусом сторон; в том числе и на Украине российская атомная бомба сдерживает прямое участие НАТО в боевых действиях; Каждая из этих войн – в Кашмире, на Украине и на Среднем Востоке – по своему ставит под вопрос силы сдерживания; поэтому Китай должен продолжать наращивать свой арсенал, который «не скомпрометирует» его позицию «достаточной обороны». Стокгольмский SIPRI утверждает, что с 2023 года темпы роста будут составлять 100 боеголовок в год.

Пекинская политика «неприменения первыми», основанная на французской доктрине, требует достаточного количества ядерных боеголовок, чтобы выдержать первый удар противника и обеспечить возможность нанесения второго удара. Этот «минимальный уровень», по словам Чжоу, не может быть определён количественно, поскольку потребности в безопасности «изменяются» в зависимости от глобального контекста. Даже если китайский арсенал увеличится с 600 до 1500 боеголовок в 2035 году, Дракон всё равно сможет утверждать, что обладает недостаточным сдерживающим потенциалом по сравнению с американскими и российскими средствами и прогнозируемым уровнем противостояния в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

По сути, в интерпретации Чжоу, ядерная достаточность в кризисе порядка не может быть такой же, как на предыдущем этапе мирного восхождения. Соотношение сил берёт верх над подходами и доктринами. Об этом свидетельствует и новый военный кризис в Персидском заливе. США снова действуют там в одностороннем порядке, демонстрируя военно-политическую силу на всех направлениях. С одной стороны, МОАВ, «мать всех бомб», сброшенная на Иран, ложится на стол европейской дипломатии – Лондон, Париж и Берлин вовлечены в переговоры с Тегераном в рамках «шестёрки». С другой стороны, пишет Дин Хан из «Женьминь Жибао», удар восстанавливает «сдерживание», но открывает «чёрную дыру» в режиме нераспространения. «Средние державы будут убеждены, что они могут защитить себя только с помощью ядерного оружия, [а] страны, находящиеся на ядерном пороге» будут считать, что они должны его преодолеть, что запустит «цепочку распространения», которая ускорит распад старого порядка – причём не обязательно в интересах Китая, как в Персидском заливе, так и в Азии. Это не исключает ни тактического сближения с Вашингтоном для стабилизации Ормузского пролива, ни даже неявного сближения для противодействия иранской атомной бомбе.

Наконец, саммит в Гааге. НАТО отказывается от прежнего стандарта в 2 % ВВП на военные расходы, который в Европе уже обогнали планы перевооружения Еврокомиссии и государств. Формула 3,5 % на оборону плюс 1,5 % на стратегическую инфраструктуру оказалась, по существу, всё той же новой нормой, принятой Германией. Таким образом, Европа активно перевооружается, хотя и в неопределённых атлантических рамках. Гонка идёт на монетарном, обычном и всё более ядерном уровне.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

1 – См. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 232.

2 – Черветто А. Трудный вопрос времени. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2007. С. 18.

3 – См. Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 47. С. 225.

4 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 264 (перевод исправлен).

Подведение итогов тактического выбора

Референдум и классовая линия

Провал референдума, инициированного профсоюзом CGIL, подтвердил: этот инструмент не может быть оружием профсоюзной борьбы, которая по своей природе строится на соотношении сил между капиталом и наёмным трудом. В связи с этим мы публикуем листовку, распространяющуюся нашими рабочими кружками. Перенос этой борьбы на почву парламентаризма чреват катастрофами и противоречит традициям профсоюзного движения, которое всегда с настороженностью относилось к вмешательству законодательной и исполнительной власти в переговоры между сторонами.

Защита мигрантов

На этот раз имел место отягчающий фактор: в список вопросов была включена очень чувствительная и актуальная для трудящихся-мигрантов тема гражданства. Из-за дискриминации по признаку гражданства миллионы трудящихся-мигрантов подвергаются сегрегации по оплате труда. Разве было не очевидно, что вынесение этого вопроса в сферу парламентских и электоральных игр должно было открыть огромное поле для правительственной кампании “закона и порядка”, основанной на ложном противопоставлении иммиграции и безопасности?

Так происходит во всём мире – достаточно вспомнить кампанию, начатую Дональдом Трампом в Калифорнии, который дошёл до использования морской пехоты против мигрантов. Гражданство – это тема, к которой нельзя подходить легкомысленно, с помощью предвыборных митингов и ток-шоу. Эта борьба требует глубокой работы среди масс, состоящей из добровольческой солидарности и кропотливого просвещения и организации пролетариата. Поверхностный подход к этому сложному вопросу, превращение его в корм для демагогов, комментаторов, разнообразных шарлатанов, привело к катастрофическим результатам, чётко проявившимся в крайне низкой явке на референдуме.

Дозировать энергию

Для нас это была возможность подтвердить наш долгосрочный подход, который, конечно, нельзя путать с нашим стратегическим абсентеизмом, то есть отказом от возможности использования парламентской трибуны в революционных целях – возможность, которую мы в нашем стратегическом анализе давно исключили. Это вопрос, не имеющий ничего общего с референдумами, которые не избирают представителей ни в одно законодательное собрание.

Для нас участие в референдумах всегда носило исключительно тактический характер, зачастую второстепенный и зависящий от конкретных объективных условий. Как всегда, тактика должна сверяться со стратегической перспективой: сегодня для нас это создание партии большевистского типа в европейской метрополии. В соответствии с этим мы всегда взвешивали свою позицию: участвовать или не участвовать, голосовать “за” или “против” по тем или иным вопросам. То есть мы всегда выбирали ту позицию, которая давала наибольшие преимущества, и соизмеряли с этим энергию, которую стоит направить на этот зачастую второстепенный фронт борьбы.

Развод и подвижная шкала

На последнем референдуме мы высказались за пять “да”, хотя рассматривали и критиковали выбор CGIL о проведении референдума как ошибочный. Мы сочли неправильным оставлять в одиночестве

молодых работников и иммигрантов, питавших иллюзии по поводу референдума. Иммигранты вынуждены были беспомощно наблюдать за происходящим, не имея возможности высказаться по вопросу, который очень важен для их положения. Поэтому мы, как и в других случаях, посвятили этому часть своей энергии и присутствовали на референдуме. К слову, мы принимали участие и в референдуме 1974 года, проголосовав против отмены закона, легализовавшего развод в Италии. Мы сделали это с полной ясностью в ожесточённом политическом столкновении, когда Аминторе Фанфани, тесно связанный с государственно-капиталистическими группами, мобилизовал партию христианских демократов, секретарём которой он являлся, в поддержку отмены закона.

Явка тогда составила почти 88 %, и более 59 % проголосовали “против” отмены. В апреле 1974 года наша газета вышла с единственной полосой, подписанной Арриго Черветто и озаглавленной “Против государственного капитала, основанного на мелкобуржуазной массе” – как объяснение нашего тактического выбора. Он был продиктован не столько вопросом о разводе, сколько инструментальным использованием вопроса о семье в кампании, организованной прежде всего крупными группами государственного капитализма. Их цель состояла в том, чтобы вовлечь средние слои и мелкую буржуазию в свою экономическую политику, используя их в качестве средства давления против слёв наёмных работников и их требований.

В последующие десятилетия были проведены десятки референдумов, ставших по сути электоральными инструментами парламентаризма, который всё сильнее погружался в необратимый кризис. Наш тактический выбор заключался в их игнорировании. Однако мы приняли участие в референдуме по подвижной шкале заработной платы. Шёл 1985 год, и правительство Кракси приняло так называемый “декрет святого Валентина” 1984 года. Этот указ был односторонним актом исполнительной власти, который сокращал заработные платы за счёт ослабления действия подвижной шкалы – механизма, который в то время частично индексировал оплату труда в соответствии с инфляцией.

Начались протесты и забастовки, которые правительство проигнорировало, утвердив указ в качестве закона. ИКП под руководством Энрико Берлингуэра инициировала отменяющий референдум, к которому немедленно присоединилось большинство в CGIL, ориентировавшееся на Берлингуэра. Мы предостерегали руководство CGIL от такого шага, который расколол профсоюзы и саму CGIL, поскольку её социалистическое крыло не последовало за ИКП. Этот выбор ставил профсоюз в зависимость от парламентских партий: он дорого стоил и не был должным образом проработан в профсоюзе. Мы направили часть своей энергии на это столкновение, проголосовав за отмену декрета, тем самым поддержав рабочих, которые, введённые в заблуждение ИКП, проголосовали против декрета Кракси.

Результат оказался катастрофическим для ИКП, потому что при явке почти 78 % правительство Кракси победило с 54 % голосов. Это было ненужное поражение для CGIL и удар, ускоривший упадок ИКП, которой через несколько лет суждено было быть погребённой под обломками рухнувшей московской империи.

В нашей газете мы снова заняли чёткую позицию, опубликовав статью Черветто

ЕЩЁ ОДИН ПРОВАЛ РЕФОРМИЗМА

Когда профсоюз ввязывается в парламентские и электоральные игры, он, как водится, оказывается вверх ногами. Это уже случалось: в 1985 году с унижительным референдумом по подвижной шкале и в 2003-м, когда CGIL оказалась соблазненной и брошенной во время мелодрамы по поводу 18-й статьи.

Сегодня, если такое вообще возможно, положение ещё хуже: CGIL сама стала инициатором манёвров широкого лагеря и позволила себя втянуть в разборки между фракциями Демократической партии. **Кто заставил вас погрузиться в болото межклассовости?** Мы предупреждали вас об этом заранее – на профсоюзных собраниях всех уровней. **Но кто заставил вас поставить профсоюз – незаменимый инструмент защиты интересов класса – на службу выдохшихся партий, которых уже давно не слушают ни общественное мнение, ни СМИ?**

Широкие массы даже не заметили, что проводился референдум. Он был специально назначен на начало пляжного сезона, а дебаты умышленно заглушили – потому что **правящий класс, от крупных концернов до мелких хозяйчиков, всё устраивает, их устраивает нестабильность среди молодёжи и правовой апартеид в отношении мигрантов.** Но как итальянская буржуазия собирается привлекать жизненно необходимых ей рабочих и талантливых людей со всего мира, если она заигрывает с ксенофобским мещанством?

Теперь **мошеники парламентаризма** в смелых **упражнениях фантастической политики** пытаются записать на свой счёт миллионы проголосовавших и воздержавшихся от голосования, ведя закулисные игры в **войнах кризиса порядка** и готовя новые **смертоносные авантюры с помощью перевооружения.**

Левые партии, когда они были у власти, после многих лет жульничания с *Jus soli* и *Jus culturae*, не нашли в себе мужества ускорить предоставление гражданства для молодёжи и рабочих иммигрантского происхождения, а теперь спустили этот важный вопрос в электоральный унитаз. Кроме того, подсчёты показали, как, спустившись на парламентскую и предвыборную почву, они могут быть использованы в кампаниях “закона и порядка” по борьбе с мигрантами, которые так любит наше правительство; на этой ухабистой почве не нужны прокламации и ток-шоу, а требуется серьёзная приверженность добровольческой солидарности и милитантская деятельность в глубине масс по организации и просвещению пролетариата.

Мы, революционные коммунисты, давно отвергли соблазны парламентаризма, но своими пятью “за” мы **не бросили молодёжь и мигрантов в одиночестве.** Мы также не оставим один на один с трудностями профсоюз, который по-прежнему необходим для защиты заработной платы, права и условий труда. **Неизлечимо больным реформизмом профсоюзным лидерам мы говорим: хватит! Хватит втягивать профсоюзы в губительные парламентские и электоральные авантюры. Мы должны говорить с реальными людьми на рабочих местах и перестать тонуть в нудной телевизионной болтовне.**

Защита заработной платы, борьба против эксплуатации, против нестабильности, против смерти на рабочем месте, борьба за интеграцию молодёжи и рабочих-мигрантов должна вестись на заводах, в офисах, в местах сосредоточения нашего класса, там, где находится его реальная сила. Хватит деморализующих игр у избирательных урн, нужны кампании по организации и привлечению новых членов.

Наши рабочие кружки в кварталах европейских метрополий – это гарнизоны **интернационалистской солидарности и борьбы с катастрофическими противоречиями буржуазного мира.**

Реформизм обанкротился по всем фронтам, только упорная революционная борьба в глубине реальных масс, напряжённая организационная работа и коммунистическая пропаганда выявят силы, способные смести варварство и нищету империалистического общества.

Трудящиеся Рабочих кружков *lotta comunista*

“Унижительная дата реструктуризации”, которая поместила этот референдум в рамки происшедшего в то время широкого процесса реструктуризации: *«В истории профсоюзного движения трудно найти примеры передачи законодательной власти требований по заработной плате, которые по своей сути принадлежат сфере отраслевых переговоров. Поражение профсоюзов в Италии настолько сильно, что исполнительная власть урнала зарплаты, а профсоюз, оказавшийся пленником парламентских партий, не смог этому помешать».*

Приоритет интернационалистского сражения

Черветто добавлял, что тогда профсоюзы полагались на уловки ИКП, включая референдум. На этот раз всё было ещё хуже, потому что ущерб был нанесён самой CGIL. Учитывая провальные итоги последнего референдума, мы надеемся, что никто в профсоюзе больше не будет поднимать тему референдумов. Никогда больше. Однако мы улавливаем признаки размышлений со стороны руководства CGIL: *«Ошибка в том, что мы политизировали референдумы»*, необхо-

дим *«уличный профсоюз, который идёт к народу»*, звучит приглашение молодым людям вступить в CGIL, *«в том числе, чтобы изменить её».*

Пришло время – и если это так, то мы будем в первых рядах, с учётом ясного понимания пределов экономической борьбы и профсоюзной деятельности. Для рабочих-ленинистов главная задача, на которую следует направить наибольшую энергию, – это привнести в наш класс сознание – из-за пределов отношений между капиталом и заработной платой. Привнести не только сознание отношений между всеми классами, но и сознание международной широты борьбы между классами. Кризис мирового порядка, мощное перевооружение, Газа, Киев, Тегеран и Тель-Авив под бомбами и ракетами делают эту задачу настоящей и неотложной, с необходимостью распространения интернационализма среди рабочих.

И именно на этом фоне поражение CGIL выльется как дворовая перепалка. Об этом необходимо помнить.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

Возможности для евро и юаня

Оценки международных институтов за период с апреля по июнь подтверждают замедление роста производства и торговли в мире. Всемирный банк прогнозирует падение роста мирового ВВП с 2,8 % в 2024 году до 2,3 % в 2025-м и резкое падение роста объемов торговли – с 3,4 до 1,8 %.

Основной причиной нового замедления стала *тарифная война*, объявленная Дональдом Трампом, который ввел всеобщий минимальный тариф в размере 10 %. Неопределенности добавляет его фирменное «искусство сделки», состоящее из резких шагов, отсрочек, перезапусков, откатов и пауз, что лишает политику ведущей державы предсказуемости. При этом именно она заплатит за это наибольшую цену: рост её экономики сократится вдвое – с 2,8 до 1,4 %. Еврозона плавает на уровне ниже 1 % с 2023 года и, по данным Всемирного банка, останется ниже этой отметки и в 2025-м, и 2026 годах. В то же время ОЭСР и ЕЦБ ожидают возвращения к 1 % в 2025 году. Рост экономики Китая снизится с 5 до 4,5 % (по оценке ОЭСР, до 4,7 %; по прогнозу МВФ – до 4 %).

Длительное замедление

Вторая причина – распространение государственного долга, повсеместно ускоренное ростом военных расходов – как ответ на усилившуюся угрозу войн, уже ведущихся, возможных или вызывающих опасения. Немаловажным сопутствующим фактором стало и увеличение процентных выплат по государственному долгу: в «развивающихся» странах проценты составляют треть дефицита государственного бюджета. Всемирный банк указывает, что замедление будет продолжаться в течение первых трёх десятилетий XXI века; «развивающиеся» страны снизят свои среднедекадные темпы роста с 5,9 до 5,1 и до 3,7 % в текущем десятилетии; темпы роста мировой торговли упадут с 5,1 до 4,6 и до 2,6 %. В Китае за три десятилетия рост торговли упадёт с 10,3 до 7,7 и до 4,8 %. Резкое замедление торговли после пандемии столетия и европейской войны (на Украине) ещё более способствовало экономическому национализму и перевооружению, которые расцвели уже в предыдущее десятилетие, и вызвали популистские ответы на глобализацию и реакцию ослабленного американского империализма на разрушительный для него рост китайского империализма. Третьей причиной замедления является спад *инвестиций*, отмеченный ОЭСР: инвестиции в «развитых» странах так и не вернулись ни на докризисную траекторию 2008–2009 годов, ни на доковидную. Пузыри, созданные банковскими системами и монетарными властями, которые закачивали фиктивный капитал по своему усмотрению на фондовые биржи и рынки недвижимости и обнуляли стоимость капитала, привели не к адекватному росту инвестиций, а к горам долга. По данным ОЭСР, после 2007 года средний уровень инвестиций по отношению к ВВП снизился с 2,5 до 1,6 % за год. В совокупности тарифы, долги и снижение инвестиций сократили потенциальный рост с 2 % в 1990-х годах до нынешних 1,3 %.

Монетарные войны

Мы часто упоминаем марксистский тезис о том, что торговые и промышленные войны не ограничиваются только своими сферами, а переплетаются с монетарными, финансовыми и обычными войнами. В 2008 году мы указывали на сочетание «открытых кранов» ФРС, противостоящей дефляционным ветрам глобализации, с долговыми обременениями и военными авантюрами Вашингтона в Ираке и Афганистане – как на условия, которые создали спекуля-

тивные и ипотечные пузыри, лопнувшие в ходе мирового финансового кризиса. Мы резюмировали: «От пузыря к пузырю, от войны к войне».

Тарифная война и двухпартийный экономический национализм уже приводят к неожиданным валютным последствиям. Доллар ослаб, и «геополитические» потрясения, которые в иные времена делали его магнитом для испуганного капитала, не оживляют его. Теперь – при нынешнем уровне интенсивности кризиса порядка – этот капитал ищет другие убежища. Швейцарский франк вырос на 12 % с начала года, заставив центральный банк вернуть свою ставку к нулю. Ревальвация иены заставила Банк Японии приостановить начатый ранее разворот, направленный на выход из дефляционной эпохи. ЕЦБ за год восемь раз снижал ключевую ставку, вдвое сократив её за один год (до 2,15 %), чтобы поддержать анемичный рост Европы в условиях вероятного ослабления американского спроса из-за тарифных войн, а также чтобы воспрепятствовать чрезмерному повышению курса евро. В то же время ФРС сопротивляется нападкам со стороны Белого дома, требующего резкого удешевления денег. Банк опасается инфляционных эффектов тарифов и «большого и прекрасного» бюджета, которого требует Трамп, а также ускорения падения курса доллара. Между тем к концу 2024 года золото вышло на второе место среди резервных активов мировых центробанков: оно составляет 20 % глобальных резервов, при этом за год было закуплено более 1000 тонн золота. Это позволило золоту неожиданно обойти евро (16 %), тогда как доллар по-прежнему остаётся на первом месте (46 %). Лихорадочная скупка золота и безумная спешка США по легализации и продвижению криптовалют под эгидой Белого дома и семьи Трампа дают представление как о жестокости, так и о беспрецедентном характере валютной войны в нынешнюю «смену эпох».

Ловушка Киндлбергера

Показательно, что золото – универсальный эквивалент *par excellence*, деньги без родины – молча выводятся из состояния «*реликвии варваров*», до которого его низвела неконвертируемость доллара, чтобы стать одним из видов «*монетарного оружия*» – средством сдерживания по всем направлениям или крайней формой гарантии, не подлежащей санкциям со стороны противников или союзников. Среди экономистов и банкиров ходят разговоры о возможности того, что в ближайшие годы могут возникнуть условия для «*ловушки Киндлбергера*». Чарльз Киндлбергер описал ситуацию, возникшую в начале 1930-х годов, когда ни фунт, ни доллар не обладали в полной мере гегемонистской валютной ролью кредитора последней инстанции. Это состояние погрузило «мир в депрессию», чтобы затем бросить его во вторую мировую войну. Роберт Макколи, исследователь из Центра глобальной политики развития при Бостонском университете, попытался обновить эту концепцию в статье для *CEPR*, которую подхватила Джиллиан Тетт в *Financial Times*. Опасность, описанная Макколи, заключается в том, что ФРС может попытаться под контроль сторонников MAGA, которые «ненавидят снова спасать Европу» (по выражению американского вице-президента Дж. Д. Вэнса). В случае кризиса «*ловушка Киндлбергера*» приведёт к тому, что ФРС больше не захочет играть роль кредитора последней инстанции, в отличие от того, как она действовала во время кризисов 2008 и 2020 годов, когда она активировала сеть постоянных или временных своп-линий с 14 центральными банками, предоста-

вив в общей сложности более 1 трлн долл. ликвидности. По словам Макколи, сегодня нет восходящей монетарной державы, способной бросить вызов доллару. Но, пишет он, её можно было бы построить с помощью коалиции тех же 14 центральных банков – исключаяющей ЦБ Соединённых Штатов, – имеющих 1,9 трлн долл. в «безопасных активах» США, которые могут быть мобилизованы во время и в местах будущих кризисов. Гипотеза Макколи обходится без хозяина, правительства в Вашингтоне, которому придётся смириться с тем, что его «безопасные активы» будут свободно использоваться коалицией, из которой он исключён.

Лагард в Пекине

ЕЦБ пытается укрепить позиции своей валюты. Кристин Лагард очень активно продвигает идею о том, что наступил «*момент глобального евро*», представив эту концепцию сначала в Берлине в конце мая, а затем в статье для *Financial Times* в июне. Примечательно, с каким ускорением Банк Франции намерен продвигать этот процесс: 1 января 2028 года объявлено датой мобилизации для создания Союза сбережений и инвестиций, как это сделал Жак Делор, указав крайний срок для создания единого рынка (январь 1993 года) и единой валюты (январь 1999 года).

В своей речи 11 июня в Народном банке Китая (НБК) Лагард напомнила о нескольких кризисных этапах – между двумя мировыми войнами, во время «холодной войны» и в последние годы, – и извлекла некоторые краткие уроки, которые звучат критически по отношению к нынешней односторонней американской политике, но также открыты для возможных компромиссов. Лагард указала на три урока кризиса 1930-х годов: «*односторонние корректировки не смогли решить основные проблемы*»; «*без прочных альянсов для сдерживания хвостовых рисков напряжённость усилилась*»; «*протекционизм не предложил устойчивого решения*». После Бреттон-Вудского кризиса Смитсоновское соглашение, последовавшее за Никсоновским шоком (1971) и предоставившее временное решение кризиса фиксированного курса, и соглашение «Плаза» (1985), установившее некоторые корректировки плавающих курсов с целью обесценивания доллара, не устранили коренные причины напряжённости, но помогли избежать «*риска широкого сдвига в сторону протекционизма, который усиливался*». Наконец, два урока из более поздних лет: «*принудительная торговая политика не является устойчивым решением*»; «*мы должны стремиться к совместным решениям даже перед лицом геополитических разногласий: это означает, что как страны с профицитом, так и страны с дефицитом должны взять на себя ответственность и внести свой вклад*». И в заключение – призыв к возможной многосторонности: «*Работать с единомышленниками для заключения двусторонних и региональных соглашений, основанных на взаимной выгоде и полной совместимости с ВТО*».

Китайское соглашение «Мар-а-Лаго»

Накануне заключения тарифного соглашения между Трампом и Си Цзиньпином китайский экономист Яо Ян, директор Китайского центра экономических исследований (CCER) при Пекинском университете, написал статью в *Project Syndicate*, в которой выразил свою поддержку валютному соглашению между США и их торговыми партнёрами, предложенному Стивеном Мираном, нынешним председателем экономических советников Дональда Трампа. Яо – один из китайских голосов, пользующихся свободой слова. Самым большим сюрпри-

зом статьи является то, что наряду со спорным предложением Мирана о новом соглашении «Плаза» Яо принимает некоторые из его основных аргументов.

Пекинский экономист с пониманием относится к первому шагу плана Мирана – потоку «*карательных тарифов*», призванных заставить остальной мир принять монетарную перестройку вокруг обесценившегося доллара. Яо говорит, что «*поскольку миру нужна резервная валюта, [...] предоставление её Америкой эквивалентно глобальному общественному благу. Поэтому вы можете думать о скоординированной девальвации доллара как о цене, которую остальной мир должен заплатить за это благо*». Яо оценивает, что, исходя из соотношения китайского и американского ВВП, есть возможность для повышения курса юаня до 50 %, но что одновременного повышения на 15–20 % будет достаточно. Яо перечисляет преимущества для Китая: «*эффект богатства*», созданный ревальвацией валюты, увеличит потребление, что является основной целью правительства; ревальвированный юань будет действовать как тормоз для экспорта и впоследствии снизит напряжённость между Китаем и его торговыми партнёрами. Китай мог бы инвестировать в США и способствовать американской реиндустриализации, к которой так стремится Трамп; взамен Пекин мог бы добиться отмены 20 % пошлин, введённых во время его первого президентского срока.

Это предложение умиротворения, которое выражает волю части китайского руководства и отвечает *желаниям* значительной части американского истеблишмента, инвестировавшего и продолжающего инвестировать в Китай. Очевидно, что Яо не боится «японского эффекта», возникшего после заключения соглашения «Плаза» и сопровождавшегося переоценкой иены, которая оказалась намного выше ожидаемой, что открыло японскому капиталу весь мир, но ценой неужимого роста пузыря и падения страны в дефляцию в долгосрочной перспективе. К списку преимуществ, перечисленных Яо, следует добавить смягчение серьёзных препятствий, с которыми сталкивается интернационализация юаня; последняя могла бы найти в лице Вашингтона ускорителя или посредника. Но Яо осторожен и не принимает весь план Мирана целиком – особенно ту часть, которая предполагает гигантскую реструктуризацию американского долга за счёт партнёров – как друзей, так и врагов.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

**Реакционный терроризм,
империалистический
европеизм, коммунистический
интернационализм**

272 стр., твердый переплёт,
примечания,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-7-6

Цена 300 руб.

Бомбы на Тегеран и Тель-Авив

Кризис между Израилем и Ираном, начавшийся 13 июня, перешёл на качественно новый уровень после того, как США спустя всего десять дней приняли решение нанести удары по трём объектам по обогащению урана. Атаки были осуществлены с применением крылатых ракет, стратегических бомбардировщиков, а также четырнадцати так называемых МОАВ – «матерей всех бомб» – на объекте в Фордо, расположенном под более чем 100 метрами скальной породы. Это самое мощное неядерное оружие в арсенале США; в 2017 году Дональд Трамп санкционировал его применение в Афганистане против базы «Исламского государства». Американская военная доктрина также допускает использование тактического ядерного оружия для выполнения аналогичных задач.

Тем не менее, как пишет пекинская газета *Global Times*, Вашингтон установил «опасный прецедент», атаковав ядерные объекты государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Это может сказаться на стратегиях ядерного сдерживания других держав – как уже обладающих ядерным арсеналом, так и стремящихся к его созданию. Израиль, который официально не признаёт наличие у себя ядерного оружия, и прежде применял свою доктрину «превентивного противодействия распространению». Но никогда в таких масштабах и с целью дестабилизации государства с населением почти 90 миллионов человек, занимающего стратегическое положение как с географической, так и с энергетической точки зрения, – такого, как Иран.

Ставки и туман войны

По мнению Джонатана Эяла, обозревателя сингапурской газеты *Straits Times*, Тель-Авив ловко воспользовался «стратегическим окном», открывшимся после ослабления иранской позиции, особенно в Ливане. Однако он замечает, что, хотя «Израиль мастер тактики», ему часто не хватает стратегического видения – завершить противостояние с Тегераном в одиночку он не в силах. После удара США некоторые заговорили о «стратегической победе» Тель-Авива, якобы заставившего Трампа сделать «ставку» на обезглавливание ядерной программы Ирана и, возможно, добиться его политической капитуляции – или хотя бы чего-то близкого. В недавнем комментарии Эхуд Барак, бывший премьер-министр Израиля и политический соперник Биньямина Нетаньяху, выразил сомнение, что даже США смогли бы «остановить ядерные амбиции» Тегерана без «прямого военного вмешательства», назвав подобный сценарий маловероятным.

Другие вспоминают выражение Дональда Рамсфелда, министра обороны времён войны в Ираке 2003 года, о «известных неизвестностях» и «неизвестных неизвестностях» – формулу, призванную подчеркнуть неизбежность тумана войны и сопутствующих ей непредсказуемых последствий. Среди них – возможная региональная эскалация, втягивание Вашингтона в очередное средневосточное «болото» или даже скатывание к ядерному кризису. Как предполагал *Le Figaro*, загнанный в угол Тегеран может решиться на испытание, пусть даже примитивного, ядерного заряда.

На момент написания статьи Иран ответил демонстративными и заранее анонсированными ударами по американским базам в Катаре и Ираке. Трамп объявил о достижении перемирия, устойчивость которого, впрочем, остаётся под большим вопросом.

Основы иранской стратегии

По мнению Вали Насра (*Iran's Grand Strategy*, 2025), специалиста по Ирану из Университета Джонса Хопкинса, суть

текущих переговоров касается базовых столпов иранской «военно-политической стратегии». Причём не только стратегии Исламской Республики, но и ещё шахского Ирана времён династии Пехлеви. Тогда Тегеран принял на себя реализацию «доктрины Никсона» в Персидском заливе, выступая в роли «гаранта интересов США и Запада» в регионе. Это стало основой курса на утверждение «великого Ирана» как региональной гегемонистской державы, вполне возможной – с ядерным потенциалом.

Сейед Х. Мусавиан, бывший иранский дипломат и переговорщик по ядерной программе в годы президентства Хатами, напоминает, что благодаря нефтяным доходам и ускоренной модернизации в рамках «белой революции» шаха Иран стал «привлекательным рынком» для атомных компаний США, Германии, Франции, Великобритании и Канады. Эти страны не только поставляли технологии, но и передали иранским инженерам значительный объём технологий (*“The Iranian nuclear crisis”*, 2012).

С 2019 года, после выхода США из СВПД (Совместного всеобъемлющего плана действий), Тегеран продолжал действовать в рамках соглашения, но начал поэтапно ускорять продвижение к статусу «ядерного порога», используя это как инструмент давления на переговорах. По оценке Мусавиана, это напоминает «японский вариант»: Япония обладает всей ядерной инфраструктурой и, при возникновении «чрезвычайных обстоятельств», может выйти из ДНЯО, воспользовавшись статьёй 10. Иран требует к себе равного отношения с другими подписантами и настаивает на диалоге с Вашингтоном о взаимных региональных интересах. В этом контексте он даже готов пересмотреть свою доктрину «расширенного сдерживания». Этот вопрос вызывает разногласия между иранскими реформаторами и консерваторами: последние считают военный потенциал ядерной программы, баллистический арсенал и влияние Тегерана на шиитские общины и их вооружённые формирования за рубежом неотъемлемой частью «священной обороны» исламского государства.

По мнению Насра, это наследие национальной травмы, оставшейся после ирано-иракской войны 1980–1988 годов, в которой Исламская Республика оказалась в международной изоляции и могла рассчитывать лишь на военные поставки из Китая и Израиля, а также на собственную оборонную промышленность. В то же время Саддам Хусейн получил кредиты на 200 миллиардов долларов от арабских монархий Персидского залива и поддержку крупнейших европейских стран и СССР. По иронии истории, Биньямин Нетаньяху, тогда посол Израиля в Вашингтоне, был активным сторонником оказания военной помощи Тегерану с целью уравновешивания Багдада. Тель-Авив поставил Ирану оружия и запчастей на сумму около 2,5 миллиарда долларов, а Китай – на 5 миллиардов (*Pierre Razoux, “La guerre Iran-Irak 1980–1988”*, 2013).

«Расширенное сдерживание» и «священная оборона»

Как пишет Ален Фрашон в *Le Monde*, концепция «расширенного сдерживания» была призвана предотвратить повторение войны на территории Ирана и сохранить целостность политических завоеваний революции 1979 года. По мнению Вали Насра, вынужденная почти полная автаркия – сначала из-за войны, затем из-за санкций – позволила развить экономику, финансовый сектор и промышленность, особенно под контролем религиозных фондов и Корпуса стражей исламской революции (пасдаран). Эти структуры выступают за протекционистские меры и ориентацию на рынки

России и Китая. Консерваторы вернулись к концепции «отрицательного баланса» (*movazaneh-e manfi*), выдвинутый ещё премьером Мохаммедом Мосаддыком в 1950-х, как к формуле иранского «неприсоединения» – «ни с Востоком, ни с Западом».

Дополнением к «священной обороне» является «пояс огня» – сеть шиитских военизированных формирований в регионе, выстроенная генералом Касемом Сулеймани, убитым по приказу Трампа в 2020 году. Эта сеть служит средством асимметричного сдерживания как США, так и Израиля. Однако вся эта конструкция оказалась подорвана после атаки ХАМАС 7 октября. Хотя Тегеран официально не одобрил эту акцию, она явно стала реакцией на попытки, предпринятые в рамках «соглашений Авраама», изолировать Иран и маргинализировать палестинский национализм. Провал сдерживания со стороны Израиля подтолкнул Тель-Авив сначала к разрушению анклава в Газе, а затем к целому ряду кампаний против «Хезболлы» и хуситов. Падение режима Башара Асада в Сирии и сворачивание российского военного присутствия дали Израилю повод нацелиться на «голову иранского осьминога».

Хотя Израиль официально не называет смену власти в Тегеране своей главной целью, такая перспектива ему, безусловно, импонирует. Возможно, в расчёте на то, что ослабление армии и ядерной программы усилит в иранском истеблишменте прагматичные течения. Трамп, вероятно, поддержал эту линию. Обладая, как отмечает *Le Figaro*, «несомненным политическим чутьём и оппортунизмом», он может рассматривать «лёгкую военную победу» как шанс «внушить страх», особенно на фоне провалов своей «хаотичной международной дипломатии». Это возможно – хотя создаётся впечатление, что и Нетаньяху, и Трамп действуют скорее по наитию, полагаясь на импровизацию и стратегическое авось.

Все пути ядерного распространения

В своей книге *Seeking the Bomb* (2022) Випин Наранг, бывший высокопоставленный чиновник Пентагона и автор пересмотра ядерной доктрины США в 2024 году, анализирует исторические стратегии ядерной экспансии разных государств и выделяет четыре возможные модели: «спринт», «страховка», «прикрытое развитие» и «скрытность».

К категории «спринта» относятся державы, которые смогли быстро создать ядерный арсенал – СССР, Китай и Франция. Им это удалось благодаря политическому консенсусу, достаточным ресурсам и относительной защищённости от внешнего вмешательства. Стратегию «страховки» – то есть достижение ядерного порога при опоре на внешние гарантии безопасности – реализовали, например, Германия и Япония.

Израиль, Пакистан и Северная Корея – примеры успешного «прикрытого развития»: эти страны сумели использовать политическую благосклонность или прямую помощь со стороны других ядерных держав, заинтересованных в таком развитии событий по собственным стратегическим причинам. Государства этой группы умеют вовремя находить новых покровителей. Так, Израиль развивал свой ядерный потенциал при техническом содействии Франции и финансовой поддержке Германии. Хотя Шарль де Голль официально прекратил сотрудничество с Тель-Авивом в 1958 году, на деле оно продолжалось до 1960-го. Уже в 1963 году Израиль провёл субкритические (низкоэнергетические) испытания, а к 1967 году обладал как минимум двумя собранными ядерными боеприпасами. Израильские власти умело блокировали попытки администрации Кеннеди добиться международных инспекций, а Бе-

лый дом при Линдоне Джонсоне смирился с фактом существования израильского арсенала, который к 1969 году производил порядка девяти боезарядов в год.

В том же году было заключено негласное соглашение между Ричардом Никсоном и Голдой Меир о политике ядерной «непрозрачности»: Израиль обязался «не вводить первым ядерное оружие в регион» и официально не признавать его наличие. Как выразился Генри Киссинджер, позиция США заключалась в том, чтобы «делать вид, что ничего не знают». По мнению Наранга, ядерный арсенал Израиля фактически заменил собой формальный договор о взаимной безопасности между странами, поставив США перед необходимостью регулярно снабжать союзника передовыми вооружениями. Это стало негласной гарантией сохранения израильской «бомбы в подвале» и позволило Тель-Авиву оставаться вне рамок Договора о нераспространении ядерного оружия.

Ядерный пуштун Бжезинского

Ту же логику США применили и в случае с Пакистаном – сначала при Картере, затем при Рейгане. Как писал в одном из меморандумов тогдашний советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, советское вторжение в Афганистан 25 декабря 1979 года вынудило администрацию Картера пересмотреть свои приоритеты в сфере нераспространения и фактически дать зелёный свет ядерной программе Пакистана – ради защиты энергетических маршрутов из Персидского залива и поддержки афганского исламского сопротивления. Наранг называет это «афганским рождественским подарком» для Исламабада. Ядерные амбиции Пакистана зародились ещё в 1972 году – после поражения в войне с Индией, а также на фоне так называемого «мирного ядерного испытания», проведённого Дели в 1974-м. Соглашение с Исламабадом, впоследствии подтверждённое администрацией Рейгана, было по сути идентично договорённости с Израилем: США закрывали глаза на происходящее, если Пакистан не «ставил их в неловкое положение» публичными ядерными испытаниями и продолжал снабжать оружием и обучать пуштунских моджахедов и прочих исламистов. Американская терпимость сохранилась на всём протяжении конфликта. По словам Наранга, существует ряд источников, выдвигающих – пусть и бездоказательно – версию о том, что пакистанские спецслужбы сознательно затягивали войну, извлекая из неё максимальную выгоду.

К 1987 году Пакистан уже располагал оперативными ядерными боеприпасами. С 1990–1991 годов, когда Белый дом утратил возможность заблокировать антипакистанские санкции, инициированные Конгрессом, Исламабад резко сблизился с Пекином, который, по словам Наранга, приветствовал американскую снисходительность. «Исламская бомба» Пакистана была частично профинансирована Саудовской Аравией и в дальнейшем стала образцом для развития ракетно-ядерных программ Тегерана, выстраиваемых в связке с Пхеньяном. Северная Корея, в свою очередь, использовала свой статус «буферного государства», закреплённый за ней Пекином, чтобы заручиться его защитой.

Выбор Ирана в пользу «скрытой» программы, по аналогии с Ливией, Ираком и Сирией, объясняется отсутствием могущественного покровителя. По оценке Наранга, Тегеран остановился на «пороговой» стратегии благодаря предложению СВПД, в котором он увидел «экономическую альтернативу» открытому ядерному курсу – способ остаться виртуальной ядерной державой.

Европейские хроники

Европейское перевооружение в поисках денег и солдат

В речи на вручении премии Карла Великого (29 мая, Аахен, Германия) Урсула фон дер Ляйен отстаивала свою идею о запуске «великого объединительного проекта» с целью создания «независимой Европы». По словам председателя Европейской комиссии, из нынешнего «международного беспорядка», характеризующегося присутствием «авторитарных держав, готовых безжалостно эксплуатировать наши разногласия или зависимости», «в этом десятилетии возникнет новый мировой порядок». Чтобы избежать «последствий», «независимая Европа» должна быть в состоянии принять участие в «формировании этого нового порядка».

Тем не менее, несмотря на амбиции, озвученные фон дер Ляйен, в европейской буржуазной среде растёт тревога: победа польского националиста Кароля Навроцкого, поддержанного партией «Право и справедливость» (PiS), на президентских выборах усилила опасения по поводу новой волны успехов экстремистских партий – прямо противоречащей заявленному курсу.

Политический цикл благоприятствует правам

У польского президента ограниченные полномочия, но у него есть право налагать вето, а коалиция Дональда Туска не имеет большинства в 3/5, необходимого для его преодоления. По этой причине, пишет *The Economist*, победа Навроцкого «теперь может парализовать усилия правительства по восстановлению верховенства закона», а сам Туск выглядит как «хромая утка» (07.06.2025). *Financial Times* считает, что из-за евроскептицизма нового президента и его противостояния вступлению Украины в НАТО Польша может стать «менее надёжным партнёром в коалиции желающих», которую Великобритания, Франция и Германия создают для укрепления безопасности Украины» (04.06.2025). 42-летний историк и бывший боксёр из Гданьска победил кандидата, поддержанного правительством Туска, набрав всего 50,89 % голосов; тем не менее результат звучит как предупредительный выстрел в ожидании 2027 года, когда пройдут всеобщие выборы в Польшу и президентские выборы во Франции. «Опасность внезапного развала Европы снова кажется очень реальной», – прокомментировал брессельский корреспондент *Süddeutsche Zeitung*. PiS может «вернуться к управлению Польшей без ограничений», в то время как президент от «Национального объединения» может выбрать «французский Sonderweg», то есть «особый путь». Добавьте к этому евроскептические правительства в Венгрии и Словакии, а также, возможно, осенью в Чехии и в Нидерландах, где в начале июня правительство пало, и досрочные выборы назначены на 29 октября.

Впрочем, не стоит говорить об однородном блоке евроскептиков: их позиции по отношению к России существенно различаются. В этом контексте, пишет *Süddeutsche Zeitung*, у Брюсселя «впереди два решающих года для построения независимой Европы». Здесь социал-либеральная газета, возможно, неспроста прибегает к показной драматизации: она уже не раз призывала к проявлению «большой решимости» ради запуска «общей оборонной политики, которая безвозвратно передаст вопросы национальной безопасности в руки Европы, сделав её независимой от США», а также для реализации реформы права на убежище, предусматривающей «значительно более жёсткое отношение к

мигрантам» и «направленной на то, чтобы отпугнуть и не допустить людей, стремящихся бежать в Европу» (13.06.2025). Центральная роль кампаний ненависти против иммигрантов была очевидна на недавних выборах в Великобритании, Румынии, Португалии и Польше. Однако за риторикой «закона и порядка» скрывается подлинная потребность европейского империализма – привлечение и жёсткое регулирование массового иммигрантского пролетариата.

Американское вмешательство

Le Monde назвала победу Навроцкого «первой победой Трампа на выборах в Европе», поскольку польский кандидат получил «мощную поддержку» трампистского движения MAGA (Make America Great Again). Как напоминает французская газета, Навроцкий не только позировал рядом с президентом США, но и получил одобрение от форума американских республиканцев СРАС (Конференция консервативного политического действия), который «удобно» прошёл в Польше за четыре дня до второго тура.

На этом мероприятии министр внутренней безопасности США Кристи Ноэм заявила со сцены: «Кароль должен стать следующим президентом Польши, вы понимаете?». «Если вы выберете лидера, который будет сотрудничать с президентом Трампом [...], американское [военное] присутствие будет сохранено [...], и у вас будет высококачественное оборудование, произведённое в Америке». *Le Monde* заключает: «Американское вмешательство, неэффективное на выборах в Германии и Румынии, оказалось успешным в Польше» (13.06.2025). Однако можно отметить, что «пророссийские» позиции «Альтернативы для Германии» и кандидатов в президенты Румынии – Кэлина Джорджеску и Джордже Симеона – не стали препятствием для поддержки со стороны MAGA.

Ещё во время первого президентского срока Трампа Польша демонстрировала особую восприимчивость к трампистским нарративам – как из-за своего атлантизма, так и потому, что эти нарративы резонировали с упадническим польским национализмом, продвигаемым PiS. В странах Центральной и Восточной Европы, бывших членах Варшавского договора, «негодование, унаследованное от слишком быстрых переходов, которые усилили неравенство и подорвали ожидания в области суверенитета, прекрасно сочетается с трампистским реваншизмом», – писала Сильви Кауфманн в *Le Monde*. В результате в этих странах люди легче «соблазняются антиэлитной повесткой Дональда Трампа, не осознавая, что она в то же время глубоко враждебна европейскому проекту» (05.06.2025). Можно вспомнить, что, например, в 2017 году, Трамп своим присутствием на саммите в Варшаве поддержал проект «Три моря», нацеленный на создание «геополитического пространства» от Балтики до Чёрного моря и Адриатики. Этот проект, воспринимавшийся как амбициозная попытка Варшавы создать собственную зону влияния, вызывал подозрения и опасения по поводу того, что он может расколоть Европу. В итоге он так и остался на бумаге.

Следует помнить, что у Брюсселя есть свой рычаг давления на Варшаву: из европейских фондов, предназначенных для Польши, было удержано около 137 млрд евро из-за нарушений верховенства права, допущенных предыдущим правительством PiS. После избрания Туска движению этих фондов был дан зелё-

БЕНЕФИЦИАРЫ НЕМЕЦКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО ПЕРЕВООРУЖЕНИЯ

Освободив оборонные расходы от конституционного долгового тормоза и создав фонд в размере 500 млрд евро для инвестиций в инфраструктуру, правительство Германии готовится потратить более 1 трлн евро в течение следующих 10 лет. Вместе с налоговыми льготами для компаний и мерами по сокращению бюрократии эти инвестиции призваны стимулировать рост. По мнению *Handelsblatt*, это военное и экономическое перевооружение должно сопровождаться «амбициозной европейской политикой», чтобы помочь «снизить зависимость Германии от экспорта в США и Китай». Немецкая экономическая газета выдвигает чёткие требования: «Внутренний рынок ЕС должен быть завершён путём устранения торговых барьеров и создания реального союза рынков капитала ЕС» (10.06.2025). Перспектива новых прибылей в Европе разжигает аппетиты, и на сцену выходят крупные бенефициары немецкого перевооружения.

«Многие крупные инвесторы в настоящее время рассматривают возможность перехода с доллара на евро и с американских акций на европейские. [...] Но альтернатива – это не только Европа. Альтернативами также могут стать Азиатско-Тихоокеанский регион и Средний Восток. Вот почему нам нужно стать более привлекательными».

Кристиан Сьюинг – главный исполнительный директор Deutsche Bank (крупнейшего немецкого банка с активами более 1,3 трлн евро).

Handelsblatt, 27 мая.

«Инвесторы утратили доверие к рынку США; они, по-видимому, больше не уверены в том, надёжна ли правовая база США. Это возможность для Европы и Германии, которой мы должны воспользоваться прямо сейчас».

Йоахим Веннинг – главный исполнительный директор Munich RE (немецкой страховой компании с балансом более 280 млрд евро).

Handelsblatt, 27 мая.

«В мировой экономике наступает новая фаза – отход от порядка, в котором доминируют США и доллар, к более многополярному миру. [...] ЕС и миру нужны Банковский союз и рынки капитала. Существует так много неиспользованного капитала, который не инвестируется в проекты. [...] Я всё ещё считаю себя европейцем, и [...] было бы стыдно для всех нас, если бы мы не воспользовались этой возможностью».

Джейн Фрейзер – CEO Citigroup (четвёртого по величине активов банка США).

Handelsblatt, 30 мая.

«В краткосрочной перспективе Европа, безусловно, будет одним из победителей, как вы можете видеть по потокам капитала из США на континент. Но я оцениваю будущую жизнеспособность ЕС в основном по его успеху в создании настоящего союза рынков капитала и настоящего банковского союза, а также по тому, сможет ли он сократить бюрократическую волокиту и ускорить процедуры одобрения».

Ларри Финк – председатель, главный исполнительный директор и соучредитель BlackRock (крупнейшей в мире компании по управлению активами, стоимость которых в её распоряжении составляет более 12 трлн долл.; председателем наблюдательного совета BlackRock Asset Management Deutschland с 2016 по 2020 год был Фридрих Мерц).

Handelsblatt, 30 апреля.

ный свет, но нельзя исключать и новую заморозку средств.

«Пушки вместо масла»

Вашингтон, с одной стороны, своими действиями подрывает европейское единство, с другой – требует от союзников из Старого Света увеличения расходов на оборону. Генеральный секретарь НАТО Марк Рютте, заявивший, что «Россия может быть готова применить военную силу против НАТО в течение пяти лет», добился согласия на реализацию плана, предусматривающего рост военных расходов до 5 % ВВП в течение десяти лет (непосредственно военные расходы составят 3,5 %, 1,5 % пойдут на сопутствующие инвестиции).

Дебаты о соотношении «социальных расходов и военных» – классическая дилемма «пушки или масло» – разворачиваются во всех странах Европы, зажатых между долговыми обязательствами и потребностью в перевооружении. Лишённая защиты Европейского центрального банка и уязвимая перед рынками, страна, по прогнозу Office for Budget Responsibility, накопит в 2024–2025 годах расходы на обслуживание долга в размере 3,7 % ВВП – против 1,9 % в Еврозоне (по оценке ЕЦБ). *Financial Times* отмечает, что сроки этого требования к военным расходам «потенциально неудобны» для лейбористского правительства, которое «пытается сбалансировать рост оборонного бюджета с ограниченными возможностями госфи-

нансов и серией непопулярных сокращений соцподдержки, подорвавших его позиции среди избирателей» (04.06.2025). В феврале премьер-министр Кир Стармер объявил о повышении расходов на оборону с 2,3 до 2,5 % к 2027 году за счёт сокращения международной помощи. А 2 июня, представив Strategic Defence Review, он обозначил намерение – но не дал твёрдого обещания – довести этот показатель до 3 % в следующем парламенте. Но остаётся «вопиющий разрыв между амбициями и деньгами», пишет *The Economist*: Германия «может потратить вдвое больше, чем Великобритания к 2029 году» (07.06.2025).

Хотя Германия и остаётся одной из немногих стран ЕС, менее подверженных жёстким бюджетным ограничениям, именно здесь особенно оживлённо обсуждается вопрос о возвращении к воинскому призыву. Предлагаемый закон о новой форме воинской повинности, над которым работает министр обороны Борис Писториус, «изначально» будет основан на добровольных основах. Но, как сообщила *Handelsblatt* от 13 июня, приоритет будет отдан численным потребностям армии, а не воле граждан. Если не будет достаточного количества добровольцев, то будет введена квота на обязательный призыв восемнадцатилетних. Будут ли у «великого объединительного проекта» империалистической Европы свои призывники?

Lotta comunista, июнь 2025 г.

Гиганты Азии

Китайское перевооружение охватывает Азию

Тенденции в области военных расходов и соперничество в сфере вооружений всё больше становятся характерной чертой кризиса мирового порядка. Военный фактор, с его обилием цифр и технических деталей, прочно входит в стратегические дискуссии. Рост доли оборонных расходов в ВВП сегодня является повсеместным симптомом нового витка перевооружения. Однако этот показатель, очевидно, не даёт полной картины, поскольку речь идёт о вооружениях, которые зачастую нельзя сравнивать между собой по качественным характеристикам. Бессмысленно и сравнение отдельных типов оружия: любое вооружение применяется лишь в связке с остальными средствами, которыми располагает та или иная держава – в союзе или в конфликте с другими державами в системе государств. Поэтому, хотя и трудно оценить реальное значение цифр или новых образцов военной техники, легче уловить их общее политическое значение и рассматривать их в контексте империалистической борьбы, всё более определяемой грубым соотношением сил.

Ярким примером этого является «стochastic война» между Индией и Пакистаном, развернувшаяся в прошлом месяце в небе над Кашмиром. Китайские истребители, закупленные Равалпинди, главным штабом пакистанских вооружённых сил, сумели сбить французские Rafale, стоящие на вооружении Индии. По мнению французского комментатора Жана-Доминика Мерше, ключевую роль сыграли ракеты PL-15, произведённые в провинции Хэнань. Эти ракеты не были известны базам данных Rafale, что может свидетельствовать о временном сбое в системе. В любом случае, куда больше, чем внезапно проявившийся китайский потенциал в области авиации и ракет, индийскую дискуссию сегодня оживляет изменение баланса сил в Азии в среднесрочной перспективе – тенденция, которая ясно проявилась в ходе этого краткого конфликта.

Критический пересмотр многовекторности

Война остудила глобальные амбиции Индии, вновь сведя их к региональному масштабу. Причём за этим сдерживанием всё отчетливее просматривается китайская рука. По мнению Нирупамы Рао, бывшего посла в США и Китае, а также главы МИД в правительстве Манмохана Сингха от ИНК, происходящее нельзя рассматривать исключительно как двусторонний конфликт, учитывая роль Китая в формировании военного потенциала Пакистана. В будущем Дели рискует оказаться втянутым в череду коротких «эпизодических конфликтов», которые будут истощать его стратегические ресурсы.

Хэппимон Джейкоб, ученик Раджи Мохана в Университете Неру в Нью-Дели и редактор журнала *India's World*, говорит, что «баланс сил» в регионе теперь очевиден на практике, и утверждает: «с уверенностью можно сказать, что Китай заменил США в качестве ведущей державы Южной Азии». Он критикует Вашингтон за отсутствие «чёткой стратегической цели» в регионе, а также за фактическое сближение с Пекином в вопросе урегулирования конфликта между двумя соперниками в Кашмире. Китай, выступающий как поставщик вооружений, дипломатический посредник и экономический лидер, уже влияет на итоги региональных столкновений, подрывая роль США. Приме-

чательно, насколько изменилась ситуация по сравнению с 1971 годом, когда индо-пакистанскую войну фактически остановили США, отправив в регион авианосец «Энтерпрайз» с целью оказать давление на Индиру Ганди. Тогда конфликт между Индией и Пакистаном был также своего рода прокси-войной между Москвой и Пекином: незадолго до этого Индия подписала договор о дружбе с Советским Союзом – в ответ на историческое сближение США с Китаем, союзником Пакистана. Сегодня, по словам Джейкоба, напротив, показательным стало относительное молчание России, объясняемое её квази-союзом с Пекином. Дели придётся иметь дело с охлаждением в отношениях с Москвой и неопределённостью в отношениях с Вашингтоном.

Третье изменение касается внутренних ограничений многовекторной политики. Хотя отказ от вступления в военные альянсы, возможно, и был верным решением, Индия должна учитывать и его последствия: войны её придётся вести «в одиночестве». Индийская доктрина приносит значительные преимущества в мирное время, но может оказаться «неприменимой в условиях войны или конфликтов».

Горький выбор в пользу Америки

В условиях кризиса мирового порядка государства стремятся проявлять осторожность и избегать чётких обязательств, предпочитая сохранять все варианты открытыми – за исключением случаев, когда затронуты их стратегические интересы. Однако многовекторная политика сталкивается с наибольшими трудностями именно в периоды военных кризисов, когда Индия особенно нуждается в ясной политической поддержке от своих союзников. Возможно, в случае ограниченного конфликта Дели и не ожидает прямой военной помощи, но сам факт, что никто такую помощь даже не предложил, заставляет задуматься о том, как стратегические партнёры Индии будут вести себя в будущем: «Наша политика многовекторности привела к ситуации, в которой у нас нет по-настоящему надёжных друзей. [...] В условиях нестабильного, неустойчивого и переходного миропорядка, напротив, может потребоваться такая многовекторность, в которой одни партнёры важнее других. А значит, нам придётся делать выбор».

Хэппимон Джейкоб сознательно не расставляет приоритеты. Исключив Россию и Китай, остаются отношения с Европой, Японией и, прежде всего, партнёрство с Соединёнными Штатами. Несмотря на колебания и, возможно, временные издержки президентства Трампа, выбор в пользу Америки остаётся неизбежным. Такова основная оценка Раджи Мохана, основанная также на его реалистичных расчётах относительно сроков стратегического перевооружения европейских держав в среднесрочной перспективе. На страницах *The Indian Express* этот ветеран индийской внешней политики почти с сожалением констатирует, что Вашингтон, по сути, «умывает руки» в отношении Нью-Дели и Равалпинди, ограничиваясь призывами к быстрому урегулированию кризиса. Вместе с тем он делает вывод о необходимости ускоренного перевооружения Индии – как формы подстраховки на будущее. Министерство обороны уже в ближайшее время потребует увеличить

оборонные расходы до 3 % ВВП в среднесрочной перспективе.

Рамбуйе: вооружённые сдерживатели

Существуют и другие политические течения – пока что находящиеся в меньшинстве, но прочно укоренившиеся в индийском капитале, – которые выступают за развитие отношений с Китаем. Подобный вариант, впрочем, прямо предусмотрен и в доктрине министра иностранных дел Субраманьяма Джайшанкара.

Наконец, остаются Европа и Япония. Сам Джайшанкар активно продвигает «очень интенсивное взаимодействие» с Европейским союзом, в том числе во время недавнего визита на Старый континент. Раджа Мохан отмечает, что двойственная стратегия Германии – с одной стороны, подтверждение обязательств в рамках НАТО, с другой – курс на стратегическую автономию Европы в вопросах перевооружения, – во многом перекликается с индийской позицией, ориентированной на укрепление многополярного мира.

Что касается Японии, то здесь показательно мнение Акио Фудзии, редакторского директора *Nikkei Asian Review*. Он напоминает о 50-летию встречи в Рамбуйе – саммита крупнейших держав, расширенного в 1975 году за счёт приглашения Европы и Японии, – что положило начало «большой семёрке»¹. По нашему мнению, это стало первым признанием того, что США уже не способны в одиночку поддерживать послевоенный порядок и вынуждены были привлечь к этой задаче побеждённые державы второй мировой. Фудзии же интерпретирует это иначе – как продолжающееся уже полвека стремление Европы и Японии удерживать США в системе международного сотрудничества на фоне снижения относительной мощи Америки. Сегодня подобную роль могут взять на себя новые азиатские державы, противостоящие тарифной войне Дональда Трампа, но выступающие в то же время альтернативой «объятиям Дракона» – Китая, также претендующего на роль защитника свободной торговли. Для индийской многовекторной политики японские усилия, направленные на то, чтобы удержать США в азиатском регионе, представляют собой дополнительный фактор сдерживания Китая. Само по себе перевооружение Японии в этом контексте приобретает схожую уравнивающую функцию.

Азиатские нефтьюяны

Японская *Nikkei* довольно сдержанно оценила саммит в Куала-Лумпуре с участием Китая, АСЕАН и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – встречу, организованную в ответ на введённые Трампом тарифы и последовавшее за этим турне президента США по Среднему Востоку. Саммит подтвердил курс Китая на «двойную циркуляцию» – стратегическую связку между внутренним рынком и внешней проекцией – а также наращивание присутствия в регионе Персидского залива, что подрывает старую доктрину Картера о монополярной гарантии США.

Сама встреча также отразила многообразие внешнеполитических курсов средних держав Азии и стремление АСЕАН не развалиться под манёврами США и Китая. Вместе с тем предложение Малайзии вести переговоры по тарифам от имени единого блока вызывает споры. Китайские комментаторы, напротив, подчёркивают синергию между промыш-

ленностью, растущими рынками, природными ресурсами и молодой рабочей силой Юго-Восточной Азии, энергетическим и финансовым потенциалом стран Персидского залива и промышленной системой Китая. Хотя энергетическая и военная уязвимость транспортных путей через Ормузский и Малаккский проливы остаётся чувствительной темой, Китай оспаривает у Индии, а также у Малайзии и Индонезии право выступать от имени «глобального Юга»: как можно прочесть между строк, новый Бандунг будет финансироваться китайским капиталом и, отчасти, деньгами нефтяных монархий, которые стремятся диверсифицировать между США и Китаем свои энергетические доходы.

Военно-промышленный комплекс

Здесь сходятся все элементы колоссального промышленного и финансового противостояния между крупнейшими американскими, китайскими, европейскими и японскими корпорациями – за азиатские накопления и ближневосточную ренту, которые будут направлены в гигантские промышленные «лёгкие» Азии, где сосредоточено более миллиарда пролетариев. Однако и здесь над всем нависает тень китайского перевооружения.

Лу Фэн из Пекинской национальной школы развития, основанной Джастином Ифу Лином и Чжан Вэйином, в обширном эссе для Обозрения Института весны и осени в Шанхае подробно рассматривает военные аспекты так называемой «комплексной промышленной системы» Китая. По его мнению, Китай обладает достаточной глубиной рынка, чтобы сосредоточить у себя подавляющее большинство производственных процессов – как трудоёмких, так и капиталоемких, – и создать промышленную систему, которая в случае войны окажется относительно независимой или, по крайней мере, менее уязвимой, чем системы его противников. Лу критикует излишне ликвидационный подход к промышленной реструктуризации, ранее уже ставший объектом критики со стороны Си Цзиньпина в его «Очерках о финансовой работе»: речь идёт о необходимости затормозить демонтаж традиционных отраслей. Сегодня этот поворот подтверждается на фоне запоздалой, если не вовсе «невозможной», попытки США вернуться к реиндустриализации, а также на фоне немедленных протестов напуганной собственным континентальным рынком. С точки зрения Лу, торговая война положила начало «дуэли века» между американским и китайским финансовым капитализмом, опирающимся на гораздо более широкую производственную базу и контролирующим множество критически важных поставок для мировой промышленности. Китайская промышленная система сдерживания, таким образом, становится угрозой для производственного процесса США: «Кто победит в этой череде экономических, политических и военных столкновений?» – спрашивает он. Все азиатские державы пересчитывают свои балансы.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

1 – В 1975 году группа расширилась за счёт Италии, что привело к образованию Большой шестёрки, а Большая семёрка возникла лишь на следующий год с приглашением Канады.

Теоретические и политические

II

Публикуем отрывок из предисловия к готовящемуся изданию избранных работ Арриго Черветто.

«Ни Вашингтон, ни Москва», «Ни Трумэн, ни Сталин» – этих лозунгов было достаточно для обоснования интернационалистской борьбы: против влияния на фронте сталинской ИКП, а также, на противоположном фронте, против проамериканских «западнических» иллюзий, распространённых в некоторых течениях анархистского индивидуализма. Бороться нужно было с унитарным империализмом, выражением которого были и США, и СССР.

1951 год. Генуя-Понтедечимо

В идеологическом накале холодной войны, усугублённом корейской войной, третий мировой конфликт считался неизбежным; «грядущая война» – так назывался написанный с троцкистских позиций памфлет, в целом склонявшийся на сторону СССР, но отражавший распространённые настроения. Здесь одного интернационалистского принципа оказалось недостаточно. Утверждать, что война между Вашингтоном и Москвой неизбежна, объяснял Черветто пятнадцать лет спустя в другой судьбоносный момент – в конце Пражской весны, раздавленной гусеницами русских танков, – значит игнорировать ключевую силу в борьбе держав, европейский империализм: сама Ялта показала, что между США и СССР существовало фактическое взаимопонимание, «действительный раздел», направленный на то, чтобы сохранить Европу разделённой.

24–25 февраля 1951 года на конференции в Генуе-Понтедечимо были сформированы АГПД (Анархистские группы пролетарского действия) с целью борьбы внутри ИАФ (Итальянской анархистской федерации) за «ориентированное и федеративное» движение либертарного коммунизма. Эта дата стала точкой отсчёта для формирования группы, которая спустя пятнадцать лет создаст организацию Lotta Comunista. Уже при подготовке конференции между Мазини и Черветто возникли теоретические и политические разногласия. В вопросе о государстве Мазини опирался на либертарную традицию, в частности на Платформу Аршинова, тогда как Черветто – упрекавший себя позднее за это – отстаивал в Понтедечимо анархистскую идею «одновременной ликвидации» государственного аппарата в момент революционного восстановления – в то время как уже размышлял о ленинском «Государстве и революции» и о диктатуре пролетариата как временной форме государства-негосударства. Разногласия касались и вопроса об империализме: Черветто призывал к размышлениям об унитарном империализме, который не следует воспринимать как однородное тоталитарное целое, тогда как Мазини не хотел обсуждать эту «проблему», опасаясь, что марксистская терминология помешает агитации в анархистской среде. Черветто также возражал против размытой и «опаснейшей» формулы «Третьего фронта», который противостоял Москве и Вашингтону. Заимствованная у французских либертарианцев во главе с Жоржем Фонтенисом, эта формулировка таила в себе опасность

смещения с течениями проевропейского «третьефронтизма».

Борьба на Ilva и плодотворный год в Аргентине

Едва начавшись, дискуссия о Третьем фронте была прервана борьбой, в которую Черветто оказался втянут против своей воли – с последующим увольнением с металлургического завода в Савоне: «После нескольких месяцев борьбы я стоял перед угрозой увольнения с “Ilva”. Я видел, сколько вреда нанесло рабочей борьбе влияние сталинизма, который использовал её против Плана Маршалла и в пользу СССР. Было легко скатиться на позиции выжидательства и нигилизма. Поэтому я боролся за постоянное участие в рабочей борьбе и профсоюзной деятельности, даже с позиций абсолютного меньшинства».

Случай с “Ilva” свидетельствует о ещё одном сражении, которое малочисленная группа, стоявшая у истоков будущей организации, вела в первые послевоенные годы и на протяжении 1950-х годов – о политической и профсоюзной борьбе в условиях послевоенной реструктуризации и в последующего подъёма, положившего начало тридцати годам экономического чуда; в этой борьбе «крайне ограниченного меньшинства» в CGIL центральную роль играл Лоренцо Пароди, начавший как член фабричной группы Ansaldo в Генуе, а затем вошедший – по инициативе Комитетов профсоюзной защиты – сперва в провинциальный комитет FIOM, а затем в национальный исполнительный орган CGIL.

В июне 1951 года увольнение заставило Черветто вернуться в Аргентину. О том годе, проведённом в Буэнос-Айресе, «Тетради» оставили нам страницы достойных внимания размышлений по поводу политэмигрантов испанской войны, которые нашли там убежище: «Я сидел в барах, которые посещали в основном испанские политические эмигранты. Анархо-синдикалисты, члены ПОУМ, сталинисты, социалисты. Из итальянцев нас было только двое, я и один молодой анархист из Апулии, с которым мы дружились. Были и аргентинцы, но мало интересовавшиеся политикой. Были евреи – политизированные интеллектуалы. Я подолгу молча слушал всех этих людей. Они говорили, что я знаю больше них, но я научился многому, слушая их рассказы о заключениях в охваченной войной Испании, о бесконечном количестве эпизодов с безымянными героями – части нашей современной истории, – их воспоминания о легендарных Аскасо и Дуррути, истории о ненависти, страстях, ошибках, наивности, мелочности. Днём я читал мемуары и исторические книги о войне в Испании, которые я метал с прилавков. Эти труды давали мне достаточно стройное и рациональное представление об этой странице истории, потому что позволяли систематизировать скопленные факты в соответствии с основными контурами их толкования. Однако, многие вещи я по-настоящему понял только слушая этих людей – даже когда замечал, что они путают даты или преувеличивают значимость событий, в которых участвовали. Нет ничего глупее и бесполезнее, чем стремиться расставить точки над *i* по поводу реальности, фактов, людей, пытаться одеть на мир штаны¹. Это мелочная дотошность тех, кто не понимает, что жизнь – это страсть, действие, борьба, а не исследовательский объект. Логику следует искать в динамике фактов, а не в головах людей.

Теми знойными ночами в оживлённом центре Буэнос-Айреса я проводил целые часы, как люди рассказывают о своей жизни и о событиях, в которых им довелось участвовать. Для них история была такой, какой они её помнили, а не такой, какую я мог бы для них разъяснить своими историографическими уточнениями».

Однако тот год в Аргентине был своего рода плодотворным изгнанием, потому что Черветто смог изучить и углубиться в темы марксистской теории и международной политики с другой точки зрения. Аргентина, с её эмигрантами и беженцами, представляла собой, с одной стороны, крайний западный отрожек Европы, но в то же время принадлежала к совсем другой стратегической шахматной доске: это было последнее ответвление США в западном полушарии. Из Буэнос-Айреса можно было взглянуть на мир под другим углом – это, в частности, объясняет, почему американская литература по международной политике так быстро появлялась там в испанском переводе. Это чтение открывало перед Черветто горизонт от Атлантики до Тихого океана; в книге “Los Tres Grandes” Дэвида Далина, бывшего меньшевика, нашедшего убежище в США, предсказывалось восстановление Франции, Германии и Японии после разрушений военного времени. Аналогичные оценки встречались и в других авторитетных источниках из итальянской прессы, обзор которой Черветто получал от товарищей из Генуи, и так же – позже, осенью 1952 года – в эссе самого Сталина, обсуждавшемся в международной прессе.

Оттуда Черветто почерпнул видение отношений между державами как многополярных, что ускользало от распространённого представления, ограниченного биполярностью США и СССР. Идея о грядущей новой мировой войне не подтверждалась ни реальным соотношением сил между Вашингтоном и Москвой, ни признаками отсоединения европейских держав от США; Германия снова набирала силу, как и Япония.

Вернувшись в Италию после этого года учёбы, Черветто инициировал жаркие дебаты внутри АГПД. По его мнению, теперь стало очевидно, что углублённое изучение унитарного империализма необходимо для ориентации милитантов – иначе они попадут под влияние пацифистских кампаний сталинизма: так отчасти и произошло с туринской группой, захваченной пацифистской и пророссийской пропагандой ИКП.

Мазини оспаривал анализ Черветто; он продолжал верить в неизбежность войны и не придавал значения выделению Европы в качестве третьей силы между США и СССР, хотя признаки этого были налицо – в виде создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), которое предвосхитило Европейский общий рынок. По иронии судьбы, в конце своей политической жизни Мазини был захвачен теми самыми силами, существование которых он отрицал: когда кризис сталинизма в 1956 году и создание Европейского общего рынка в 1957-м дали “европейцу” Пьетро Ненни силы отделиться от ИКП, Мазини решил, что сможет увлечь либертарианцев в автономистское крыло социалистической партии.

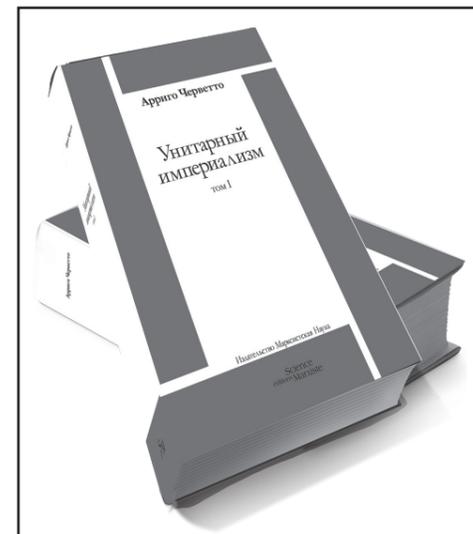
С этой битвой 1952 года политическая борьба внутри либертарного коммунизма подходила к концу; вскоре возможности работы в анархистской среде ИАФ были исчерпаны, а кризис

сталинизма открыл новые горизонты – в рядах диссидентов ИКП. Это столкновение, однако, показало, что изучение международных отношений является необходимым условием для политического действия. Важно было сохранить независимость не только от русского и американского империализма – «ни Трумэн, ни Сталин», – но также и от империализма европейского и итальянского. В этом смысле то сражение в либертарном коммунизме стала основополагающим моментом для формирования концепции партии-стратегии.

Кризис сталинизма и хождение по кругу в Azione Comunista

В течение 1950-х годов произошли решающие события, положившие начало длительному циклу неравномерного послевоенного развития и вызванному им изменению баланса сил между державами.

В 1953 году смерть Сталина открыла фазу мучительной борьбы за “престолонаследие” в СССР, которая завершилась только в 1958 году с окончательным утверждением Никиты Хрущёва. Относительная слабость Москвы и трудность для российского государственного капитализма сохранить контроль над сферой влияния, закреплённой ялтинским разделом, проявились в забастовках в Берлине в 1953 году и Польше в 1956-м, и прежде всего в венгерском восстании 1956 года. Позже то же самое повторилось с Пражской весной 1968 года: российский империализм должен был компенсировать недостаток экономической мощи военной силой; Вашингтон позволил ему это сделать.

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

сражения Арриго Черветто

В 1954 году поражение Франции в Индокитае и начало алжирского восстания продемонстрировали ускорение антиколониальных революций; в 1955 году Бандунгская конференция впервые выдвинула новые отряды буржуазии неприсоединившихся стран на авансцену международного противостояния.

Таким образом, именно «роковой» 1956 год стал решающим моментом, когда эти тенденции соединились. В феврале доклад Хрущёва на XX съезде КПСС обнажил кризис сталинизма, который затем ускорился забастовками в Познани в июне и русскими танками в Будапеште в октябре. Лидер молодого египетского капитализма Насер в июле принял решение о национализации Суэцкого канала; в октябре из-за давления США в ходе Суэцкого кризиса провалилась попытка военной интервенции Франции и Великобритании. Сочетание этих двух кризисов выявило логику ялтинской биполярной системы отношений: Москва смогла подавить венгерский мятеж в своей сфере влияния, а Вашингтон – унижить европейских союзников в своей.

Эти события стали испытанием для АГПД и Черветто, который в то время превратился для них в ключевую фигуру в анализе империализма и международных отношений. Теоретические сражения и научный анализ тенденций унитарного империализма, природы СССР как государственного капитализма, мирового капиталистического развития и восхождения новых национальных буржуазий в антиколониальных революциях стали политическими битвами за завоевание и ориентацию милитантов.

Кризис сталинизма отразился на всей системе партий-государств под патронажем Москвы в Восточной Европе, а также на ИКП и ФКП на Западе. Уже в 1955 году появление Azione Comunista – движения с максималистским отпечатком, порвавшее с тольяттинской ИКП, – рассматривалось в АГПД как возможность выйти из изоляции, заменив иссякшую к тому времени линию поиска кадров среди либертарианцев ИАФ на работу среди диссидентов ИКП. Черветто предпочёл бы вести эту политическую борьбу извне, сохраняя автономию первоначальной группы, отобранной в АГПД, но возобладал выбор в пользу слияния в единое формирование.

Вот некоторые отрывки из воспоминаний Черветто, направленного тогда в Милан – в редакцию новой газеты движения: «По правде сказать, я думал, что мог способствовать процессу формирования революционного движения в Италии посредством тактики, которая не вовлекла бы нас напрямую в инициативу Azione Comunista. Но товарищи, ослеплённые представившемся случаем, не понимали этого.

Я ошибся, не настояв на своём предложении и не добившись раскола в организации. Как политик я сожалею, что за эту ошибку заплатил годами потерянного времени; как милитант – нет. Доведение дисциплины до её логического конца было для меня уроком более глубоким, чем любой другой, потому что всегда легче навязать дисциплину другим, чем себе самому.

Со временем я понял, что, возможно, чуть больше индивидуалистской гордости помогло бы ускорить процесс формирования ленинистской партии в Италии. Идеи, которые у меня были уже тогда, могли быть реализованы на несколько лет раньше, и мы подошли бы к

стихийным протестам 60-х с уже сформированной группой, а не с ещё неоформленным течением».

«Весна всё не наступала, а я оказался в Милане – хотя вовсе этого не хотел. Но я отнёсся к своей задаче с максимальной ответственностью. Впервые за долгие, тяжёлые годы у меня появилась возможность полностью отдаться работе. Казалось, что я вернулся на десять лет назад, в «красную весну», когда я тоже приехал в Милан – вскоре после восстания. Тогда нужно было быть осторожным, потому что по дорогам проносились машины с фашистами, которые стреляли по тем, кто был одет как партизан. Мы не обращали на это внимания и остановились в каком-то пансионате, чтобы устроить праздник с девушками, которых удалось найти в этом хаосе.

Те же зелёные аллеи, трамваи, выныривающие из-за деревьев – но теперь никто не стрелял. Машины уже были не те, немногочисленные и опасные, – теперь их было достаточно, чтобы почувствовать, что мегаполис развивается полным ходом. Я собирал данные о FIAT и моторизации, размышляя о её неизбежных социальных и политических последствиях – на которые, впрочем, ясно указывал и провал профсоюзов в Турине в 1955 году.

«Красная весна» уже не была той, научной весной. Она всего лишь была одной из вёсен «оттепели». Всё приходило в движение. Империалистический порядок, который с 1945 года держал мир в клетке, начал давать трещины на Востоке. С 1953 года я прислушивался к глухому гулу, доносившемуся из глубин унитарного империализма. В марте 1956 года разговоры о XX съезде и череда событий в Восточной Европе указывали, что приближается буря. Мы писали об этом в L'Impulso.

Я знал – и писал об этом, – что эти события не означают приближения революционного кризиса на Западе, но знал и другое: переворачивалась страница истории.

Той тёплой весной я вдоль и поперёк исколесил Милан, встретил сотни людей, поучаствовал в десятках собраний.

Милан представлял собой наиболее оживлённое место в эволюции политических движений в Италии. Внимательно наблюдая за ними, я смог получить довольно точное представление о текущих тенденциях и их вероятном развитии. Я снова оказалась в ситуации, где можно было наблюдать действительность в её сути. Я старался уловить тот самый переходный момент, когда бесконечные разговоры начинают оборачиваться реальными действиями. Другие продолжали мечтать о массовом революционном движении, а я наблюдал процесс социал-демократизации масс.

Кризис сталинизма, пожалуй, усилил этот процесс, но в неизбежной ломке, сопровождавшей переходный период, высвобождалась энергия, которую можно было собрать для строительства весомой ленинистской партии и восстановления той линии, которая началась в 1917 году и прервалась в 20-е.

В этом смысле был прав Мазини: Azione Comunista представляла собой уникальную возможность. Я считал, что Azione Comunista осталась бы такой и без нашего участия. Но я уже был внутри и, в отличие от Мазини, смотрел больше в будущее, чем в настоящее; пока же имело смысл подталкивать её в наиболее выгодном направлении».

«Был разгар того самого лета 1956 года. Публикация доклада Хрущёва про-

извела эффект взрыва, вышла газета Azione Comunista, к которой начали стекаться люди самого неопределённого толка. С моей точки зрения, речь шла о попытке оказать влияние на хаотичное и противоречивое движение, сделав ставку на концепцию кадровой ленинистской партии и проблему социальной природы СССР. Я подготовил серию статей о государственном капитализме в России».

В декабре 1956 года в Милане манифестация в кинотеатре «Данте» стала публичным дебютом этой инициативы. На ней объединились АГПД, преобразованные к тому времени в Либертарно-коммунистическую федерацию (ЛКФ), где уживались разнонаправленные взгляды Черветто и Мазини; максималисты из Azione Comunista, среди которых выделялась фигура Бруно Фортикьяри, одного из основателей Коммунистической партии Италии (КПИ); троцкисты из группы Ливии Майтана и диссиденты-бордигисты во главе с Онорато Даменом: «Мы работали две недели, чтобы организовать первый политический митинг Коммунистической Лево́й – движения, пытавшееся объединить группы диссидентов-коммунистов и вернуть их к «десяти пунктам Ливорно». Милитанты, которые в течение 30 лет были вынуждены выступать лишь на узких встречах, часто во временных офисах или на квартирах друзей, вдруг получили возможность обратиться к тысячам слушателей. Я мог бы быть доволен уже потому, что внёс вклад в этот успех. Но в большей мере я радовался за них. Выступали Бруно Фортикьяри, Онорато Дамени, Майтан Ливии и Пьер-Карло Мазини; когда они закончили, весь зал встал на ноги и запел «Интернационал». Кое-кто не скрывал слёз. Я знал этих людей, знал, сколько лет тюрьмы, сколько страданий, сколько разочарований, сколько надежд стояло за этими слезами. Это был реванш за поражение, которое нанесла им история. Это был ответ на клевету сталинизма. Это была награда за долгое ожидание. Для многих это стало возвращением молодости.

Я оказался в атмосфере, которая вернула меня в последние дни войны. В памяти всплыли те годы борьбы, бесконечные собрания по всей Италии, страстные ночные дискуссии, доклады во Флоренции, Болонье, Ливорно, Пизе, конференция в Понтедечино. В одном из углов зала я был вовлечён в оживлённую беседу со знакомыми и незнакомыми товарищами. Но я знал и другое: один энтузиазм не способен породить революционную организацию с ясной политической линией, способной отвечать на вызовы, которые ставило развитие капитализма в Италии. Чувства, объединявшие присутствующих, не могли объединить те политические идеи, которыми они вдохновлялись. Митинг обозначил проблемы, но не решил их.

Во второй половине дня на собрании в Гуманитарном обществе² я первым поднял вопрос стратегии и поставил проблему социальной природы СССР как ключевого различия. Для многих я оказался «убийцей праздника».

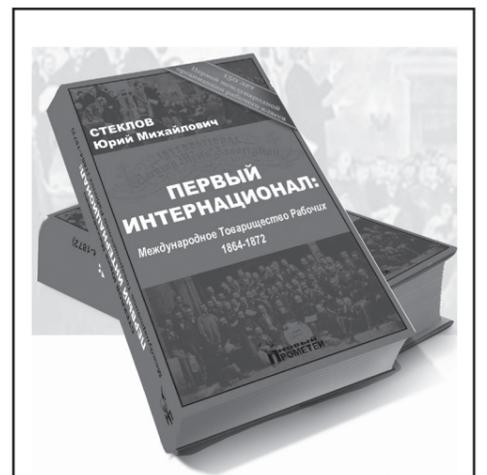
В итоге только АГПД и Azione Comunista объединились в Движение коммунистической левой. Однако тот же кризис 1956 года породил у многих избирателей ИКП иллюзии широкого сдвига и свал с автономистским поворотом ИСП под руководством Пьетро Ненни. Это повлияло на Azione Comunista и на самого Мазини: «Я курсировал между Миланом и Савоной. ИКП пере-

живала кризис интеллигенции, которая вслед за А. Джолитти покидала её, основывая газеты и журналы, а также присоединяясь к ИСП, провозглашавшей свою независимость от сталинизма. Это, как я и предсказывал, воздействовало на движение Azione Comunista, где Мазини и другие видели выход в обновлённой ИСП, способной ослабить влияние сталинизма. Я испытывал сильные сомнения, в том числе потому, что хорошо знал массы ИКП и был достаточно знаком с ИСП. Я и сам – путь и очень недолго – был очень активным милитантом ИКП и знал, как подобные мне, посвятившие политике всё, а порой и всю свою жизнь, воспринимали ИСП. Эта партия считалась двусмысленным сборищем людей, не готовых по-настоящему бороться и склонных к компромиссам – причём не в качестве тактической уловки, а в качестве политического решения. Кроме того, я чувствовал, что симпатии в отношении ИСП были помешали отбору тех самых революционных кадров, который должен был стать характерной чертой нашего вмешательства в кризис сталинизма в Италии».

Lotta comunista, июнь 2025 г.

1 – Выражение А. Грамши, означающее стремление втиснуть мир в рамки, в просторное ложе позитивистского видения.

2 – Историческая ассоциация филантропической солидарности. Основана в Милане в 1893 году с целью содействия реализации социальных прав и возможностей посредством учёбы и труда.

Стеклов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Решение пяти процентов

Затяжной трудовой конфликт в металлургической отрасли, начавшийся год назад, выявил структурную проблему среди работодателей. Как отмечает Дарио Ди Вико в *Corriere della Sera* от 19 мая, среди предпринимателей, объединённых в ассоциации Federmeccanica, наметился раскол.

Крупные и мелкие

Некоторые крупные компании уже давно высказались за разрешение конфликта, критикуя его управление как «загнанное в слишком жёсткие рамки». Лидером здесь выступает группа Leonardo, к которой присоединились другие гиганты отрасли, «заваленные оборонными заказами», такие как Fincantieri, Hitachi, Avio и Baker Hughes (бывшая Nuovo Pignone), обеспеченные крупными контрактами.

Однако против этого «компромиссного» блока выступает подавляющее большинство средних, мелких и даже микропредприятий, гораздо менее склонных идти на уступки профсоюзам, особенно касающиеся повышения зарплат на 280 евро – требование, которое они отвергли с самого начала. Дело в том, что численный вес мелких предприятий огромен: несмотря на частично пропорциональную систему голосования в ассоциации, основанную на размере взносов, руководство не может игнорировать мелкие компании – свою «массовую базу». Ди Вико приводит следующие данные: 80,6 % компаний насчитывают менее 10 сотрудников, а если учитывать предприятия с численностью до 50 работников, эта цифра достигает 97 %.

Если такова структурная проблема в лагере работодателей, то другой ограничивающий фактор проявляется на противоположной стороне классового фронта: сопротивление мелких и средних предприятий соглашению обусловлено не только «обременительностью» требований, но и тем, что там работодатели «не слишком боятся забастовок» – из-за слабого присутствия профсоюзов в этом сегменте.

Такова сложная реальность мира труда по обе стороны баррикад. Она не только создаёт проблемы, но и открывает возможности для профсоюзной борьбы. Безусловно, воспользоваться разногласиями противника возможно, но необходимым условием этого является упорная работа над классовым единством, направляющая сильные стороны класса на службу общей стратегии. Для этого необходимо отказаться от межклассового подхода, который причинил столько вреда за последние десятилетия и сохраняется до сих пор.

Страна мелких предприятий

Проблема малых размеров предприятий часто всплывает в комментариях, особенно в связи с темой производительности. Президент Confindustria Эмануэле Орсини на Фестивале экономики в Тренто (25 мая) заявил, что для роста производительности необходимо укрупнение, так как «сегодня в Италии почти 4,3 миллиона предприятий, и только 250 тысяч из них имеют более 9 сотрудников».

Управляющий Bankitalia в своих последних «Заключительных замечаниях» также вернулся к этой теме, отметив, что здесь происходят сдвиги: между 2013 и 2023 годами «в бизнес-секторе

значительно увеличилась доля занятых в средних и крупных компаниях, а число фирм с не менее чем 250 сотрудниками выросло на треть». Тем не менее такие фирмы по-прежнему остаются незначительным меньшинством. Сам Панетта комментирует это как «реакцию производственной системы на глобальные изменения, которая вселяет надежду, однако это лишь первый шаг».

Производительность и демография

Недавняя книга Микеле Тронкони «Демография и судьба» связывает тему производительности не только с размерами предприятий, но и с демографией. Автор – потомственный предприниматель в сфере текстильной промышленности, занимавший различные позиции в Confindustria, – делает важное признание: демография «никогда не волновала наши, промышленников, сердца» и тем более «не занимала наши мысли». Это подтверждает то, что мы неоднократно называли стратегической близорукостью буржуазии, больше озабоченной сиюминутными финансовыми результатами.

Проблема производительности связана именно с данной проблемой. «Рост производительности обеспечивается за счёт организационных и технологических инноваций, а это – прежде всего задача самих предприятий, то есть предпринимателей». Однако в основе всего лежит проблема низкой рождаемости: «Меньше молодёжи – меньше инноваций, меньше трудоспособного населения – меньше производства». И вывод: «Нам нужно действовать, потому что через несколько лет демографическая зима ещё больше сократит долю трудоспособного населения: прощай, рост производства, инновации и производительность».

Рабочие и техники в дефиците

Демографические тенденции на рынке труда вызывают серьёзную тревогу. Леонардо Беккетти, профессор политической экономики в университете Тор Вергата, в драматичном тоне напоминает, что «ужасная эпидемия бубонной чумы в XIV веке сократила население Европы вдвое за столетие»; сегодня «демографический кризис производит нечто подобное с населением и предложением труда в нашей стране» (*Il Sole 24 Ore*, 18 апреля).

Более актуальный анализ представила организация Fondazione studi Consulenti del Lavoro в докладе «Демографическая зима: угроза конкурентоспособности страны» (22 мая). В нём отмечается «беспрецедентный рост занятости» в последние годы, хотя многие показатели остаются ниже средних по Европе. Однако перспектива вызывает тревогу: «Текущие демографические тенденции предвещают постепенное сокращение предложения труда, что ставит под вопрос способность системы сохранить текущий уровень занятости и, в более широком смысле, поддерживать темпы экономического роста последних лет».

Ситуацию усугубляет старение рабочей силы: в ближайшие четыре года потребуется до 3 миллионов новых сотрудников для замены уходящих. Уже сейчас растут трудности с закрытием вакантных мест: за пять лет масштаб проблемы удвоился – с 25,6 % в 2019 году до 48,2 % в 2024-м. Основная причина – «не-

После Украины, Газы, тарифной войны и сточасовой войны между Индией и Пакистаном началась двенадцатидневная война, в ходе которой Израиль при поддержке США нанёс удар по ядерным объектам Ирана. Подлинными результатами этой операции остаются неизвестными. В своих бесконечных хвастливых заявлениях, которые стали обычным сценарием его ежедневного глобального телешоу, Трамп сравнил мощь своих супербомб с ядерным ударом, уничтожившим Хиросиму и положившим конец войне с Японией.

Есть и другое мнение, в том числе от ряда новостных агентств США: иранская ядерная программа была лишь задержана на несколько месяцев, в то время как Тегеран, напротив, получил дополнительный повод для создания собственного ядерного оружия, чем спровоцирует региональную гонку вооружений. Со стороны США речь идёт о демонстрации не имеющей равных военной мощи, что служит сигналом для всех.

Разумеется, ни в одной канцелярии мира никто искренне не сожалеет об ударе, нанесённом по атомным амбициям мулл. Однако тревогу вызывают Штаты, сильные своими бомбардировщиками и авианосцами, но слабые из-за долга и внутренних раздоров. Их президент, к тому же, гордится тем, что принимает решения по своему усмотрению, намеренно непересказуем и пренебрегает союзниками.

Как утверждают, у ЕС нет иного пути, кроме как балансировать: с одной стороны, стараясь удержать Вашингтон в НАТО, с другой – наращивая собственные вооружения, поскольку он по-прежнему зависит от США в военном отношении. Цель – создать европейский столп Альянса, способный выдержать колебания Штатов. Это так называемое «решение пяти процентов», которое продвигают с помощью формулы «пять за пять»: 5 % ВВП на перевооружение за гарантию действия статьи 5 Атлантического договора о взаимной обороне.

Нужно быть честными. Здесь мало места для благонамеренных пацифистских лозунгов и ещё меньше для парламентских уловок их политики. Перевооружение осуждают, но, находясь у власти, голосуют за него. Кто-то отвергает формулу «пять за пять», называя это подчинением империализму США, но призывает к общей обороне – уже в интересах европейского империализма. К тому же, двусмысленность проявляют в вопросе о гражданстве для пролетариев-иммигрантов. Единственная оппозиция перевооружению европейского империализма – коммунистическая и интернационалистская. Единственный путь – единство всех пролетариев, независимо от этнической принадлежности, религии или нации.

хватка кандидатов», на которую указывают 31,7 % предприятий против 12,2 % в 2019 году.

Исследование указывает и на такой аспект проблемы, как изменение типа дефицитной рабочей силы: «Если в 2019 году сложнее всего было найти были руководителей и специалистов интеллектуального труда, то в 2024 году на первое место вышли технические и рабочие профессии». Это подтверждает: рабочие и техники – фундаментальные элементы производственной системы, и буржуазия в них нуждается. Это рычаг, который можно использовать в профсоюзной борьбе и, более широко, в рамках классового политического.

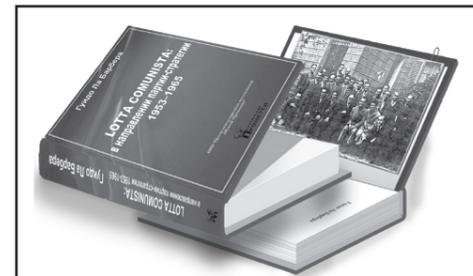
Молодые рабочие без гражданства

В поисках ответа на демографический кризис нередко предлагают разнообразные меры – от повышения занятости среди молодёжи, пожилых и женщин до реформирования трудового законодательства. Но в конечном счёте без привлечения мигрантов не обойтись. Журнал *Sinapsi* (издание Национального института анализа государственной политики – INAPP) приводит данные о доле иностранцев в Италии по возрастным группам: при средней доле 8,8 % в общей массе населения, среди лиц 25–39 лет иностранцы составляют более 15 %, а на севере страны – почти 20 %. Значительная часть потенциаль-

ной рабочей силы в наиболее продуктивном возрасте – это работники без итальянского гражданства.

Провальные результаты референдума, особенно по сокращению сроков получения гражданства, показывают, что интеграция иностранных работников требует долгой борьбы, без иллюзий о «коротких путях» парламентской политики. В этой борьбе рабочие кружки всегда будут на передовой.

Lotta comunista, июнь 2025 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт, биографический справочник, 9 иллюстраций по тексту. ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.